

РОЖДАЕМОСТЬ В СЕМЬЯХ МИГРАНТОВ: ДАННЫЕ, ГИПОТЕЗЫ, МОДЕЛИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН

Исследованиям рождаемости среди мигрантов в последние десятилетия в демографии уделяется немало внимания. Это связано прежде всего с ростом мировой миграции, обеспечивающим данной научной проблематике немалую практическую актуальность в связи с задачами демографического прогнозирования. Одновременно тема рождаемости мигрантов приобретает все больший междисциплинарный теоретический интерес, поскольку она имеет отношения к таким важным для современных социальных наук явлениям, как взаимодействие культур, трансформация поведенческих норм и др.

В отечественной науке тема рождаемости мигрантов до сих пор остается достаточно периферийной (несмотря на богатство эмпирического материала по данной теме, доступного для исследований в России). Цель настоящего обзора – первоначальное систематическое знакомство с литературой, посвященной рождаемости среди тех, кто совершил миграцию, и среди их детей.

Обзор состоит из трех частей. В первой части представлены основные имеющиеся гипотезы о влиянии миграции на рождаемость, в наиболее общем виде обсуждаются возможности их проверки, а также их общетеоретический контекст. Во второй части рассматриваются особенности применения количественных методов и методов статистического моделирования для исследования рождаемости среди мигрантов. В третьей части представлены избранные исследования по рождаемости мигрантов в отдельных странах, дающие представление о разнообразии динамики рождаемости в переселенческих сообществах.

Ключевые слова: миграция, рождаемость, адаптация мигрантов, брачно-репродуктивное поведение.

Константин Игоревич Казенин (kz@ranepa.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия).

Статья поступила в редакцию в июле 2017 г.

Статья основана на результатах исследования по НИР РАНХиГС 2017 г. «Факторы рождаемости и динамика демографических процессов среди мигрантов-мусульман Северного Кавказа»

СОДЕРЖАНИЕ

1. ГИПОТЕЗЫ О ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

1.1. Гипотеза адаптации

1.2. Гипотеза социализации

1.3. Гипотеза разрыва

1.4. Гипотеза селективности

1.5. Предсказания четырех гипотез о динамике показателей рождаемости

1.6. Общая теоретическая рамка гипотез – «анализ жизненного пути»

2. ПОКАЗАТЕЛИ И МОДЕЛИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

2.1. Использование коэффициентов рождаемости при изучении взаимосвязи рождаемости и миграции

2.2. Исследования, основанные на моделях пропорциональных рисков

2.3. Другие методы моделирования, используемые для изучения рождаемости среди мигрантов

3. РОЖДАЕМОСТЬ МИГРАНТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА: ОБЗОР ИЗБРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. «Вклад» мигрантов в европейскую рождаемость [Sobotka 2008]

3.2. Исследования рождаемости потомков международных мигрантов

3.3. Рождаемость мигрантов в Великобритании

3.4. Рождаемость мигрантов в Германии

3.5. Рождаемость мигрантов в Швеции

3.6. Рождаемость мигрантов в Италии

3.7. Рождаемость мигрантов в Испании

3.8. Рождаемость мигрантов в США

3.9. Рождаемость мигрантов в Австралии

3.10. Внутристрановая миграция и рождаемость: исследования по отдельным странам

КРАТКИЕ ИТОГИ

БЛАГОДАРНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

Исследование рождаемости среди мигрантов, выявление ее тенденций, а также факторов, ее предопределяющих, становится все более важной задачей по мере роста географической мобильности населения в современном мире. Понимание взаимосвязей, имеющих между

рождаемостью и миграцией, важно не только для оценки будущих изменений численности населения на принимающих территориях, но во многих случаях и для предсказания изменений его этнического состава, связанных с этими изменениями социокультурных сдвигов и конфликтов.

На сегодняшний день в мировой демографии исследование рождаемости среди мигрантов и их потомков занимает очень большое место. Сформирован набор гипотез о возможной взаимосвязи миграции и рождаемости. Накоплен большой опыт эмпирических исследований, имея который уже невозможно не критически относиться к распространяемым многими политиками и СМИ «алармистским» представлениям о том, что якобы из-за повышенной рождаемости мигрантов в ближайшее время ожидается радикальное изменение этно-конфессионального состава населения принимающих стран. Разработаны статистические модели, в которых учитываются специфические проблемы, возникающие при анализе данных о рождаемости среди мигрантов. Можно сказать, что на рубеже XX-XXI веков исследования рождаемости среди мигрантов в какой-то степени образовали самостоятельную «научную дисциплину» внутри демографии со своими стандартами исследовательской работы, научными авторитетами и др. Вместе с тем результаты этих исследований никак нельзя считать внутренним делом демографии. Рождаемость – лишь один из многих поведенческих аспектов мигрантов, на основании которых исследователь может судить о степени их интеграции в принимающее сообщество, о том, каковы социальные последствия того смешения жизненных укладов и культур, к которому неизбежно ведет миграция. Поэтому результаты исследования рождаемости мигрантов имеют явно междисциплинарное значение, будучи актуальными для целого спектра социальных наук, на стыке которых сейчас исследуется феномен миграции. Такое значение этих результатов и делает актуальной задачу ознакомления с ними отечественного читателя.

В настоящем обзоре мы не стремимся отразить все разнообразие имеющейся литературы по рождаемости среди мигрантов. Обзор преследует три цели. Во-первых, представить основные имеющиеся в литературе общие гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости (раздел 1). Во-вторых, охарактеризовать основные статистические модели, используемые в литературе для оценки взаимосвязи миграции и рождаемости (раздел 2). В-третьих, на основе исследований, выполненных для некоторых стран, показать случаи подтверждения каждой из этих гипотез (раздел 3).

1. ГИПОТЕЗЫ О ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

В этом разделе представлены основные гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости, имеющиеся на сегодня в научной литературе. Прежде, чем перейти к рассказу о них, важно сделать одну оговорку. Ни одна из этих гипотез даже большинством авторов, выдвигающих ее, не рассматривается в качестве единственного варианта взаимосвязи миграции и репродуктивного поведения. Каждая из гипотез, по сути, говорит об одном из возможных сценариев изменения рождаемости в связи с миграцией, не исключая при этом других сценариев. Гипотезы выдвинуты на основе анализа разных миграционных потоков, и совместное рассмотрение этих гипотез дает картину того разнообразия динамики

рождаемости в переселенческих сообществах, которое известно на сегодняшний день. Сравнение предсказательной силы гипотез можно осуществлять применительно к конкретным "кейсам" миграции, но оно не имеет смысла применительно к мировой миграции в целом (сопоставление рассматриваемых ниже гипотез см. в [Kulu, Gonzalez-Ferrer 2014, Kulu 2005, Захаров, Сурков 2009]).

1.1. Гипотеза адаптации

Гипотеза адаптации (*adaptation hypothesis*) состоит в том, что мигранты, оказавшись в новой для себя среде, усваивают характерные для нее поведенческие нормы, в том числе и касающиеся репродуктивного поведения (а также брачности). В случае, если миграция идет с территории, характеризующейся более высокой рождаемостью, на территорию с более низкой рождаемостью (эта ситуация наиболее распространена в современном мире), гипотеза адаптации предполагает снижение репродуктивной активности у мигрантов по сравнению с населением их "исторической родины". Первоначально гипотеза адаптации была, по-видимому, выдвинута для внутристрановой миграции – миграции из сел в города в Малайзии и Таиланде [Goldstein, Goldstein 1983], однако затем была подтверждена и на многих примерах межстрановой миграции. В [Kulu 2005; 2006] она подтверждается для внутренней миграции в трех европейских странах (Австрии, Польше и Эстонии) для поколений, родившихся после Второй мировой войны: в этих работах показано, что при переезде из села в город или из города в село представители этих поколений в указанных странах в целом воспроизводили уровень рождаемости, имевшийся на принимающей территории (отметим, что сам по себе регулярный контраст между сельским и городским населением по уровню рождаемости был, разумеется, известен задолго до появления исследований влияния миграции на рождаемость, но именно эти исследования делали акцент на рождаемости у населения, совершающего миграцию из села в город или наоборот).

При этом среди исследователей, выдвинувших данную гипотезу, нет согласия относительно того, что заставляет мигрантов усваивать новые для них нормы в сфере рождаемости. Так, в [Lee, Farber 1985] применительно к миграции из села в город в Южной Корее показано, что уменьшение рождаемости после миграции в города связано главным образом с изменением экономических условий, в которых находятся мигранты (точнее, те из них, которые находятся в репродуктивном возрасте): увеличением возможностей для женщин на рынке труда, изменением величины и структуры затрат на детей и др. А, например, в [Schultz 1976] решающим фактором, способствующим восприятию сельскими мигрантами «городских» норм рождаемости, названо улучшение медицинских условий в городе по сравнению с селом, вследствие которого сокращается детская смертность и, соответственно, уменьшается «запрос» на рождение детей.

Гипотеза адаптации получила подтверждение и на примере международной миграции, в частности, миграции в Канаду [Ram, George 1990], Германию [Mayer, Riphahn 2000], Швецию [Andersson 2004]. В большинстве таких исследований в фокусе внимания – вероятность перехода к рождению ребенка того порядка, к которому достаточно редко переходят коренные жители страны пребывания (например, переход к третьему ребенку среди мигрантов из азиатских стран в Западной Европе). Подтверждением гипотезы

адаптации служит факт уменьшения вероятности рождения ребенка данного порядка у мигрантов пропорционально давности их переезда.

Если предположить, что адаптация по рождаемости к новой среде пребывания имеет место, то логично ожидать, что в определенных случаях этот процесс будет идти быстрее, чем в других. В литературе получили подтверждение, в частности, следующие гипотезы об "ускоряющих" факторах адаптации:

1. «Усвоение» мигрантом репродуктивных норм страны пребывания идет быстрее, если супруг/партнер является уроженцем данной страны. Соответственно, разница по рождаемости между «смешанными» семьями и семьями, в которых оба партнера – мигранты, может служить подтверждением гипотезы адаптации. Это предсказание подтвердилось, например, для Германии. В [Yeter, Stichnoth 2013] на основе анализа данных микропереписи, проведенной в Германии в 2008 г. (микроперепись охватила 1% населения), показано, что среди женщин, прибывших в эту страну из стран с высокой рождаемостью, многодетность наименее вероятна у тех, чей партнер не является их соотечественником.
2. Тематикой некоторых новейших исследований стало влияние на адаптацию по репродуктивному поведению особенностей расселения мигрантов и их потомков. Например, в [Wilson, Kuha 2016] показано, что уровень рождаемости среди мигрантов второго поколения в Великобритании связан, среди прочего, с тем, какую долю в населенном пункте или квартале, где они проживают, составляют выходцы с их исторической родины и иностранные мигранты в целом (или потомки таковых). Чем больше пространственная «отделенность» мест проживания мигрантов и коренных жителей страны (residential segregation), тем вероятнее адаптация мигрантов к этой стране по репродуктивному поведению.

Суть гипотезы адаптации состоит именно в сознательном принятии норм репродуктивного поведения, с которыми мигранты сталкиваются на принимающей территории. Поэтому не всякий факт уподобления мигрантов коренным жителям по характеристикам рождаемости (числу рожденных детей на одну женщину, таймингу деторождения) говорит в пользу гипотезы адаптации, как и отсутствие такого уподобления не всегда служит контрпримером к этой гипотезе. Дело в том, что на степень «сближения» мигрантов с коренными жителями принимающей территории по количественным характеристикам рождаемости может влиять не только то, в какой мере мигранты готовы воспроизводить репродуктивное поведение своих новых соседей. Могут быть важны характеристики мигрантского сообщества, которые, как ожидается, оказывают влияние на рождаемость (уровень образования, концентрация в сельской местности или в городе и др.). Если, например, мигранты из какой-либо страны сохраняют высокую рождаемость в принимающей стране, где рождаемость коренного населения низкая, это может быть свидетельством отсутствия их адаптации к новым для них нормам репродуктивного поведения, но может происходить и от того, что мигранты в основном имеют низкий уровень образования или проживают главным образом в сельской местности, и т.д. Для некоторых сообществ мигрантов исследователи приводят аргументы за то, что фиксируемое статистикой отсутствие сближения с коренным населением страны по рождаемости следует рассматривать не как опровержение гипотезы адаптации, а как

следствие именно таких «структурных» особенностей переселенческого сообщества ([Hill, Johnson 2004, Frank, Heuveline 2005] для мигрантов из Мексики и их потомков в США; подробнее см. раздел 3).

1.2. Гипотеза социализации

Гипотеза социализации (*socialization hypothesis*) предполагает, что определяющими для рождаемости среди мигрантов будут репродуктивные установки, полученные ими в детстве. Для мигрантов первого поколения эта гипотеза прямо противоречит гипотезе адаптации и отличается от нее по предсказаниям. Основное предсказание гипотезы социализации состоит в том, что различия по рождаемости у мигрантов с территорий, отличающихся уровнем рождаемости, будут сохраняться даже при длительном проживании на новой территории. Подтверждение этому находится на материале различных мигрантских сообществ. Например, в [Milewski 2010] показано, что среди мигрантов, проживающих в Германии, сохраняются различия по рождаемости в зависимости от того, из каких стран они прибыли (рассматриваются мигранты из Турции, бывшей Югославии и стран Южной Европы). Аналогичные выводы делаются для внутристрановой миграции в Индии, при которой сохраняются различия по рождаемости между выходцами из разных штатов [Guilmoto, Rajan 2001], и для международной миграции из европейских стран в Австралию [Abbasi-Shivazi, McDonald 2002].

Хотя гипотезы социализации и адаптации не согласуются друг с другом, на практике возможной и даже довольно частой оказывается ситуация, когда рождаемость в мигрантском сообществе подтверждает обе эти гипотезы одновременно. Так, в последние десятилетия сохранение контрастов по рождаемости между выходцами из разных азиатских стран в Западной Европе наблюдается на фоне снижения рождаемости у выходцев практически из всех этих стран по сравнению с рождаемостью на их родине (см. на примере Германии [Milewski 2010], на примере Великобритании [Dubuc 2012]; подробнее см. раздел 3). Общее снижение рождаемости в этом случае может трактоваться как эффект адаптации, а сохранение различий между выходцами из разных стран – как эффект социализации.

Особый интерес представляют предсказания гипотезы социализации и результаты проверки этих предсказаний для мигрантов второго поколения. Из гипотезы социализации следует, что рождаемость второго поколения мигрантов будет зависеть от той среды, в которой проходила их первоначальная социализация: если они росли в достаточно замкнутой переселенческой общине, то их отличия по рождаемости от основного населения "принимающей" территории будут большими, чем в случае, если они росли в более "открытой" среде (подробнее о проверке этих предсказаний применительно к некоторым странам см. раздел 3). Многочисленные исследования, в которых рождаемость мигрантов второго поколения рассматривается отдельно, показывают, что уровень рождаемости в этой группе мигрантов, как правило, ниже, чем у мигрантов первого поколения ([Abbasi-Shavazi, McDonald 2002, Milewski 2010, Dubuc 2012, Krapf, Wolf 2015 и мн. др.]; подробнее см. раздел 3). Однако обнаружены и свидетельства того, что конкретные особенности социализации мигрантов второго поколения могут быть значимы для их дальнейшего репродуктивного поведения. Например, овладение в детстве языком принимающей страны в некоторых случаях статистически связано с бóльшим уподоблением населению

принимающей стороны по репродуктивному поведению [Pailhé 2015]; могут быть значимы для рождаемости среди мигрантов второго поколения и другие обстоятельства их детства и юности [Haller et al. 2011].

Если мигранты попадают при переезде в иноэтничную среду (а это имеет место в большинстве случаев межстрановой миграции, а иногда и при внутристрановой миграции – например, миграция населения Северного Кавказа в другие регионы РФ), то вопрос о том, почему у них может сохраняться рождаемость, отличная от коренного населения, тесно смыкается с вопросом о причинах «особой» рождаемости у национальных меньшинств, не являющихся мигрантами. Исследованию последнего вопроса посвящена большая литература. В основном все подходы к объяснению отличий репродуктивного поведения меньшинств сводятся к трем "прототипическим" вариантам (как и гипотезы о влиянии миграции на рождаемость, эти подходы не исключают один другого: каждый из них концентрируется на одной группе факторов, но фактически все эти факторы могут влиять на рождаемость нацменьшинств одновременно):

1. На рождаемость этнического меньшинства влияет его низкий социальный статус. Признаются два прямо противоположных направления, в которых может идти это влияние. С одной стороны, низкий социальный статус, в котором находится этническое меньшинство, может заставлять его представителей снижать рождаемость из-за стремления достичь большей социальной мобильности (так называемая "гипотеза меньшинств"/minority group hypothesis – [Goldscheider 1971]; рассмотрение возможных причин "пониженной" рождаемости у нацменьшинств в США представлено также в известной работе [Goldscheider, Uhlenberg 1996]). Интересное подтверждение этой идее находится, например, в [Gore, Carlson 2010], где показано, что брачность у турецких курдов, в сельской местности превышающая брачность турок, резко снижается и даже отстает от брачности турок в городах. Это авторы объясняют стремлением представителей данного нацменьшинства, переезжающих в города, использовать все возможности для получения образования и поиска хорошей работы, для чего вступление в брак и последующее деторождение видится препятствием. Признается в литературе, однако, и возможность прямо противоположного влияния низкого социального статуса этнического меньшинства на рождаемость, а именно "политически мотивированного" повышения рождаемости с целью укрепить положение своего этноса в обществе. Интересный пример такого рода рассматривается в [Booth 2010]: после того, как в 1940-е годы на островах Фиджи в результате многолетней трудовой миграции индийцев коренное население оказалось в меньшинстве, у него в течение нескольких десятилетий сохранялась высокая рождаемость. У индийцев Фиджи коэффициент суммарной рождаемости с 1966 по 1996 гг. снизился почти в два раза (с 4,9 до 2,5), а у коренного населения – значительно меньше (с 5,3 до 3,9). Возможным объяснением такого контраста между индийцами и коренными жителями Фиджи автор называет стремление коренного населения обеспечить себе более значительную долю в общем числе жителей государства.
2. Отличия по рождаемости обусловлены исключительно "структурными" особенностями этнических меньшинств (уровнем образования, уровнем дохода и др.). В качестве наиболее свежего примера работы, объясняющей этнические различия по рождаемости

такими факторами, можно упомянуть статью [Stonawski et al. 2016], рассматривающую рождаемость ряда мусульманских меньшинств в Европе: как коренных (турок в Болгарии, турок и албанцев в Греции), так и образовавшихся в результате недавней миграции (выходцев из мусульманских стран в Испании). В статье показано, что все эти меньшинства существенно "отстают" от остальной части населения своих стран по уровню образования, и именно этим авторы предлагают объяснять их более высокую рождаемость. Отметим, однако, что "свести" этнические контрасты по рождаемости к различиям социальных характеристик этносов удается далеко не всегда. Имеется немало примеров исследований, в которых при моделировании рождаемости этническая принадлежность не теряла значимости в модели и после того, как в нее были включены такие параметры, как образование, проживание в селе/в городе и др. (напр. [Gore, Carlson 2010, Gyimah 2005 и мн.др.]) В целом идея "сводимости" различий по рождаемости между этносами к различиям их социальных характеристик никак не может считаться на сегодня общепринятой и универсально подтверждаемой имеющимся материалом.

3. Особенности репродуктивного поведения меньшинства связаны с доминирующими в нем культурными нормами (см. [Arnaldo 2004] на примере рождаемости разных этносов в Мозамбике). Ссылки на различия "культурных норм" весьма распространены в работах по межэтническим различиям в области рождаемости, однако нередко вызывают критику. Так, в [Forste, Tienda 1996] отмечается, что, приписывая различия по рождаемости "культурным различиям", исследователи часто не проясняют, благодаря каким именно механизмам первые предопределяются вторыми. Там же обосновывается предположение, что на деле этнические или "расовые" различия по репродуктивному поведению могут быть следствием одновременно и экономических, и "ценностных", т.е. культурных различий. Так, большая доля внебрачных рождений среди потомков африканцев, живущих в США, может быть объяснена как низким уровнем жизни в их среде, из-за которого многие мужчины избегают женитьбы, так и низкой ценностью семейных отношений для этой группы населения (возможно, восходящей еще к временам рабства). То есть культурологические объяснения могут переплетаться с экономическими.

На наш взгляд, учет этого разнообразия факторов, значимых для рождаемости нацменьшинств, необходим при оценке гипотезы социализации, когда речь идет о рождаемости среди мигрантов, образующих этническое меньшинство на принимающей территории. Приведенный выше краткий обзор возможных причин «особой» рождаемости нацменьшинств показывает, что эта «особость» может быть связана не только с нормами, которые представители нацменьшинства усваивают в детстве, но и со многими другими обстоятельствами.

Вместе с тем иногда длительному сохранению отличий мигрантов по рождаемости предлагаются интересные объяснения, не связанные с перечисленными подходами к рождаемости меньшинств, но и не укладывающиеся в гипотезу социализации. Так, в уже упомянутой работе [Abbasi-Shivazi, McDonald 2002] показано, что сохранение отличий между коренным населением Австралии и мигрантами, в том числе второго поколения, из

Греции в конце XX века может быть объяснено необычайно интенсивными контактами, которые последние сохранили со своей исторической родиной.

1.3. Гипотеза разрыва

Гипотеза разрыва (*disruption hypothesis*; среди первых работ, в которых она была высказана, [Massey, Mullan 1984, Ribe, Schultz 1980]) предполагает, что влияние миграции на рождаемость в основном проявляется в первый послемиграционный период, в котором изменения в рождаемости связаны с теми или иными обстоятельствами обустройства на новом месте. Эта гипотеза предполагает снижение влияния фактора миграции на рождаемость после окончания достаточно короткого (длиной менее 5 лет) периода после переезда.

Интересно, что исследования, в которых защищается данная гипотеза, различаются по тому, какое именно влияние на рождаемость (повышающее или понижающее) они приписывают обстоятельствам переезда. Так, в [Goldstein, Tirasawat 1977] на примере миграции из села в город в Таиланде показано, что в период переезда и обустройства мигрантов действует ряд особых факторов, ведущих к более низкой рождаемости. Эти факторы прежде всего касаются экономических трудностей, которые заставляют мигрантов откладывать деторождение. С другой стороны, в ряде работ отмечается противоположная тенденция – всплеск рождаемости в первые годы после миграции. Такой эффект описан, например, для Германии и Швеции, где рождаемость мигрантов из некоторых стран Азии и Африки очень высока в первые 1-2 года после миграции, а затем постепенно снижается [Andersson 2004, Milewski 2010]. Было предложено как минимум два объяснения таких "всплесков". Во-первых, рождение детей в "принимающей" стране может рассматриваться мигрантами как средство укрепить там свой статус, облегчить себе легализацию (оправданность таких надежд зависит от законодательства конкретных стран). Во-вторых, повышенная рождаемость в первые годы после переезда ожидается в тех мигрантских сообществах, где распространена "брачная" миграция, т.е. миграция женщин с целью заключения брака в новой стране (такая миграция в последние полтора-два десятилетия составляла большую долю, например, в миграционных потоках в Западную Европу из Турции, Марокко, также распространена "брачная" миграция из Мексики и ряда стран Карибского бассейна в США; более подробное обсуждение и ссылки см. в разделе 2).

Легко видеть, что гипотеза разрыва, по сути, объемлет набор очень разных явлений, не сходных между собой как по самой динамике рождаемости, так и по возможным причинам этой динамики. Общим для них является лишь "необычное" репродуктивное поведение в первые годы после переезда на новую территорию с последующим его изменением (например, уподоблением по рождаемости "принимающей" территории в соответствии с ожиданиями гипотезы адаптации).

1.4. Гипотеза селективности

Гипотеза селективности (*selectivity hypothesis*) была первоначально выдвинута, по-видимому, в [Goldstein 1978] (см. также [Zarate, de Zarate 1975, Courgeau 1985]). Ее исходное предположение состоит в том, что миграция – это выбор, который не является равновероятным для всех членов некоторого социума: как правило, существует набор таких

характеристик семьи или индивида (касающихся социально-экономического положения, образования и многого другого), которые повышают вероятность миграции. Например, миграция из села в город может быть наиболее вероятной для таких семей, взрослые члены которых нацелены в первую очередь на успешную профессиональную карьеру, а также для таких семей, которые по своему составу наиболее подготовлены к бытовой адаптации в городе. Обе эти характеристики связаны с относительно небольшим числом детей в семье. Гипотеза селективности предсказывает, что будущие мигранты будут отличаться по своему репродуктивному поведению от соседей еще до миграции, т.е. будет иметь место "селекция" будущих мигрантов по числу детей.

Некоторые исследователи, развивающие гипотезу селективности применительно к миграции из сельской местности в города, показывают, что релевантность этой гипотезы может быть разной на разных исторических стадиях миграции. В частности, когда миграция с какой-либо сельской территории в города только начинается, она сопряжена с наибольшими трудностями для мигрантов, которые не могут воспользоваться в городе опытом своих земляков, связями с ними и т.д. На этом этапе «селективность» миграции наиболее высока: с большой вероятностью в город поедут семьи с малым числом детей, взрослые члены которых нацелены главным образом на профессиональную реализацию в новой среде. Однако на последующих этапах «требования» к мигрантам могут снизиться, и объяснительная сила гипотезы селективности может уменьшиться (см. [Hendershot 1971] для миграции из сел в города на Филиппинах).

1.5. Предсказания четырех гипотез о динамике показателей рождаемости

Каждой из перечисленных гипотез соответствуют свои подтверждающие признаки в количественной динамике рождаемости мигрантов. Достаточно очевидны эти признаки для гипотез адаптации, социализации и разрыва.

Гипотеза адаптации предполагает, что рождаемость у мигрантов с одной и той же территории будет разной в зависимости от того, как долго они пребывают на принимающей территории: чем дольше это пребывание, тем меньше отличий по рождаемости от коренного населения. Также эта гипотеза предсказывает, что мигранты во втором поколении по характеристикам рождаемости в общем случае будут меньше отличаться от населения принимающей территории, чем мигранты в первом поколении. Для мигрантов так называемого «полуторного» поколения, т.е. тех, кто совершил миграцию до совершеннолетия (обычно в качестве «точки отсечения» рассматривается достижение на момент миграции 16 лет), гипотеза адаптации также предсказывает большее подобие населению принимающей территории по репродуктивному поведению, чем у тех, кто совершил миграцию в более старшем возрасте.

Гипотеза социализации предполагает, напротив, что длительность пребывания на принимающей территории не будет оказывать заметного влияния на рождаемость мигрантов и что их рождаемость будет подобна рождаемости, наблюдавшейся в период их детства и юности в том сообществе, в котором они росли. Предсказания гипотезы социализации для мигрантов второго поколения не столь очевидны: их рождаемость

зависит от того, в какой среде на принимающей территории провел человек свою детство и юность. Например, если детство и юность были проведены в основном в замкнутом окружении соплеменников-мигрантов, то можно ожидать, что рождаемость будет заметно отличаться от жителей принимающей территории, иначе ожидаются меньшие отличия.

Гипотеза разрыва предполагает, что рождаемость мигрантов в первые годы пребывания на принимающей территории в ту или иную сторону заметно отличается от рождаемости тех же мигрантов в последующие годы.

Что касается гипотезы селективности, то вопрос о возможности ее подтверждения количественными данными менее ясен. Вообще говоря, для ее подтверждения требуется анализ рождаемости на территории, откуда совершена миграция, с демонстрацией различий между домиграционной рождаемостью покинувших ее и рождаемостью жителей тех же возрастных групп, оставшихся на родине. Однако даже если количественные данные такого рода удастся получить (что на практике происходит далеко не всегда), возможность подтвердить ими гипотезу селективности проблематична, ведь среди оставшихся на родине могут быть и те, кто готовится совершить миграцию в ближайшее время или намеревался совершить ее в недавнем прошлом, но не смог это сделать по каким-то причинам и пр. Для таких групп ожидалась бы рождаемость, сходная с "домиграционной" рождаемостью мигрантов, но выделить эти группы или хотя бы оценить их численность среди оставшихся на родине практически невозможно.

Отметим, что если определить подтверждающие количественные признаки гипотез (кроме гипотезы селективности) достаточно легко, то «замер» этих признаков на практике для всех четырех гипотез представляет собой непростую задачу. Проблемы, связанные с проверкой гипотез статистическими методами, обсуждаются в разделе 2.

Несмотря на эти сложности проверки, на сегодняшний день накоплено и проанализировано достаточно много данных, позволяющих судить о том, какие из рассматриваемых гипотез подтверждаются фактами. В разделе 3 будут подробно представлены эти результаты для некоторых стран. Здесь мы отметим, что в целом имеющиеся результаты полностью подтверждают, что ни одна из гипотез не предсказывает адекватно всего разнообразия динамики рождаемости в сообществах переселенцев. Хорошая иллюстрация того, как разные гипотезы могут находить подтверждение для «соседних» друг с другом миграционных потоков или даже одновременно подтверждаться для одного и того же миграционного потока, содержится в обзорной статье [Kulu, Gonzales-Ferrer 2014]. В ней обсуждаются результаты и перспективы исследований брачности и рождаемости среди мигрантов в европейских странах по состоянию на начало 2010-х годов. Важнейшие выводы, которые авторы делают на основе рассматриваемых ими исследований, можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, для мигрантов из большинства неевропейских стран в Европе характерен заметный всплеск рождаемости в первые несколько лет после миграции, причем этот всплеск обеспечивается в основном рождением первых детей. Естественное объяснение этого всплеска состоит в том, что значительная доля миграции женщин в Европу – это «брачная» миграция. Данный факт, очевидно, подтверждает гипотезу разрыва.

Во-вторых, по рождаемости после первых нескольких лет в принимающей стране, а также по интенсивности рождений второго, третьего и последующих детей разные группы мигрантов в Европе довольно существенно отличаются друг от друга. Наиболее распространенная тенденция состоит в том, что после первых лет в принимающей стране мигранты начинают в большей степени уподобляться по репродуктивному поведению коренным жителям, и что по второму и последующим детям уровень рождаемости у мигрантов не так сильно отличается от коренного населения, как по первому ребенку. То есть в целом подтверждается гипотеза адаптации. Однако к этому имеется немало количество контрпримеров: мигрантских сообществ, в которых женщины вне зависимости от давности миграции демонстрируют значительно более высокую рождаемость, чем в принимающей стране (некоторые из таких контрпримеров мы подробно рассмотрим в разделе 3).

В-третьих, среди мигрантов второго-третьего поколений общим трендом можно считать более полное, по сравнению с их родителями, уподобление репродуктивному поведению населения принимающей страны, что также подтверждает гипотезу адаптации. Но и здесь есть немало исключений. В частности, высокая рождаемость сохраняется у второго и третьего поколений мигрантов с Ближнего Востока в Швеции, нет полного уподобления рождаемости коренных жителей и у потомков мигрантов из Турции в Германии и т.д. То есть процесс адаптации к нормам репродуктивного поведения европейских стран не всегда затрагивает мигрантов второго-третьего поколения единообразно.

При этом, как констатируется в обзоре Кулу и Гонсалес-Феррер [Kulu, Gonzales-Ferrer 2014], остается неясным, по каким именно причинам в некоторых сообществах мигрантов в Европе адаптационный сценарий реализуется, а в некоторых – нет. В целом между собой конкурируют два объяснительных подхода. Один возводит сохраняющие отличия по рождаемости к социокультурным факторам, к сохранению у мигрантов тех репродуктивных установок, которые они восприняли на родине (такой подход в целом соответствует гипотезе социализации). Другой подход объясняет отсутствие адаптации особыми социально-экономическими условиями, в которых находятся мигранты в принимающей стране, например, ограниченным доступом женщин-мигранток к получению образования и работы, высоким уровнем сегрегированности мигрантских общин, не позволяющим им воспринимать жизненные практики коренного населения и др. (такой подход соответствует распространенным в литературе объяснениям репродуктивных особенностей этнических меньшинств, не обязательно мигрантских, см. раздел 1.2).

1.6. Общая теоретическая рамка гипотез – «анализ жизненного пути»

Прежде чем перейти к конкретным методикам и результатам проверки гипотез о влиянии миграции на рождаемость, необходимо отметить, что все представленные выше гипотезы предполагают рассмотрение рождаемости в рамках методологического подхода, который в последние десятилетия применяется в социальных науках и для исследования большого количества других явлений. Этот подход – так называемый анализ жизненного пути (*life course analysis*). В наиболее общем виде суть этого подхода состоит в том, что жизненный

путь человека рассматривается как последовательность переходов из одного дискретного состояния в другое, причем в качестве условий для того или иного перехода могут выступать как текущее состояние (или предшествующие состояния), в котором находился человек, так и «внешние» по отношению к человеку обстоятельства, такие как, например, жизненные обстоятельства других членов его семьи, социальные условия в местности, в которой он проживает и др. Анализ жизненного пути предлагает динамический подход к описанию условий наступления того или иного события в жизни человека, при котором важно взаиморасположение разных событий, а также внешних обстоятельств во времени (об общих теоретических основах анализа жизненного пути см. [Elder 1985, Giele, Elder 1998]; обзор применения данного подхода к демографическому поведению мигрантов см. [Kulu, Milewski 2007]).

Каждая из четырех гипотез, представленных в настоящем разделе, хорошо вписывается в теоретические рамки анализа жизненного пути, поскольку ставит рождение детей в зависимость от предшествующих событий и обстоятельств жизни человека, таких, как миграция, социальные связи в детстве и юности и пр. Отметим, что в рамках анализа жизненного пути в литературе рассматриваются и другие события в жизни мигрантов. Например, в [Kley 2011] этот метод применяется для исследования процесса принятия решения о миграции. В ряде работ он также используется для исследования брачности среди мигрантов (напр., [Holland, Valk 2013] для мигрантов в разных странах Европы, [Cortina et al. 2008] для мигрантов в Испании, [Dribe, Lundh 2011] для мигрантов в Швеции, [Huschek et al. 2012] для мигрантов турецкого происхождения в европейских странах).

Отметим, что в рамках анализа жизненного пути связь между двумя событиями всегда носит асимметричный характер: одно из событий рассматривается как условие для последующего наступления другого. Из четырех рассматриваемых здесь гипотез одна (гипотеза селективности) связывает миграцию с рождаемостью, имевшей место до события миграции, а три других – миграцию и последующую рождаемость. Определенность временной последовательности событий – обязательное требование анализа жизненного пути.

2. ПОКАЗАТЕЛИ И МОДЕЛИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

В настоящем разделе речь пойдет о технике анализа данных при исследовании взаимосвязи миграции и рождаемости. В подразделе 1 рассматриваются проблемы с использованием стандартных коэффициентов рождаемости для мигрантских сообществ. В подразделе 2 представлен тип моделей, наиболее часто используемый для исследования рождаемости в контексте миграции – модели пропорциональных рисков. Наконец, в подразделе 3 представлены некоторые альтернативные способы моделирования взаимосвязи миграции и рождаемости.

В начале раздела необходимо сделать одно замечание общего характера. Изложенные в предыдущем разделе гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости в идеале предполагают сопоставление рождаемости мигрантов как с жителями

принимающей территории, так и с жителями той территории, откуда совершена миграция. Действительно, для полноценного подтверждения, например, гипотезы адаптации необходимо показать, что с годами проживания на принимающей территории рождаемость мигрантов «отдаляется» от рождаемости на территории, откуда они прибыли, и «приближается» к рождаемости их новых соседей. На практике, однако, так получается далеко не всегда. В особенности распространена ситуация, когда при изучении международной миграции исследователь располагает достаточно детальной информацией только о рождаемости мигрантов и коренных жителей принимающей территории, но не жителей страны, откуда совершена миграция. Это особенно часто имеет место при исследовании миграции в Европу из Африки и некоторых стран Ближнего Востока, где текущая демографическая статистика находится в неудовлетворительном состоянии. Поэтому часто удается сопоставить рождаемость мигрантов только с рождаемостью коренного населения страны, в которую они прибыли. О том, как в этих условиях осуществляется проверка гипотез, речь в основном и пойдет ниже. (В качестве значимых исключений назовем следующие работы по международной миграции, в которых производится сравнение рождаемости мигрантов и их соотечественников, оставшихся на родине: [Abbasi-Shavazi, McDonald 2002] – о рождаемости мигрантов из разных стран Европы в Австралии, [Klimek 2017] – о рождаемости польских мигрантов в Ирландии, [Vogovos et al. 2008] – о рождаемости мигрантов из ряда балканских стран в Греции; в работах, исследующих внутрискановую миграцию, сопоставление рождаемости мигрантов и жителей территорий, откуда совершена миграция, встречается чаще, некоторые примеры см. в разделе 2.10).

2.1. Использование коэффициентов рождаемости при изучении взаимосвязи рождаемости и миграции

Самым простым способом сопоставления рождаемости у мигрантов и других категорий населения является сравнение у них показателей рождаемости, например, коэффициент суммарной рождаемости (КСР). Однако в действительности использование КСР для изучения взаимосвязи миграции и рождаемости весьма затруднено.

Наиболее детально проблематичность сравнения КСР для коренных жителей и мигрантов аргументируется в [Toulemon 2006]. Автор рассматривает рождаемость среди иммигрантов во Франции с 1945 по 1998 гг. и замечает два важных факта. Во-первых, рождаемость у мигрантов в это время имела тенденцию к заметному «скачку» в первые два-три года после въезда в страну, а после этого постепенно снижалась (выше мы видели подобное на примере ряда других стран). На рисунке 1 показано соотношение шансов¹ деторождения у мигрантов разных когорт въезда во Францию (с контролем на возраст). Во-вторых, этот «скачок» рождаемости в первые годы после въезда может иметь разные масштабы в зависимости от возраста, в котором женщина совершает миграцию. На рисунке 2 показаны разности возрастных коэффициентов рождаемости у мигранток, въехавших в страну в разных возрастах, и возрастных коэффициентов рождаемости коренных жительниц Франции. Видно, что у мигранток превышение рождаемости по сравнению с

¹ Определение понятия «соотношение шансов» см. в разделе 2.2.

коренным населением в первые годы миграции, как и на последующих этапах, может быть разным.

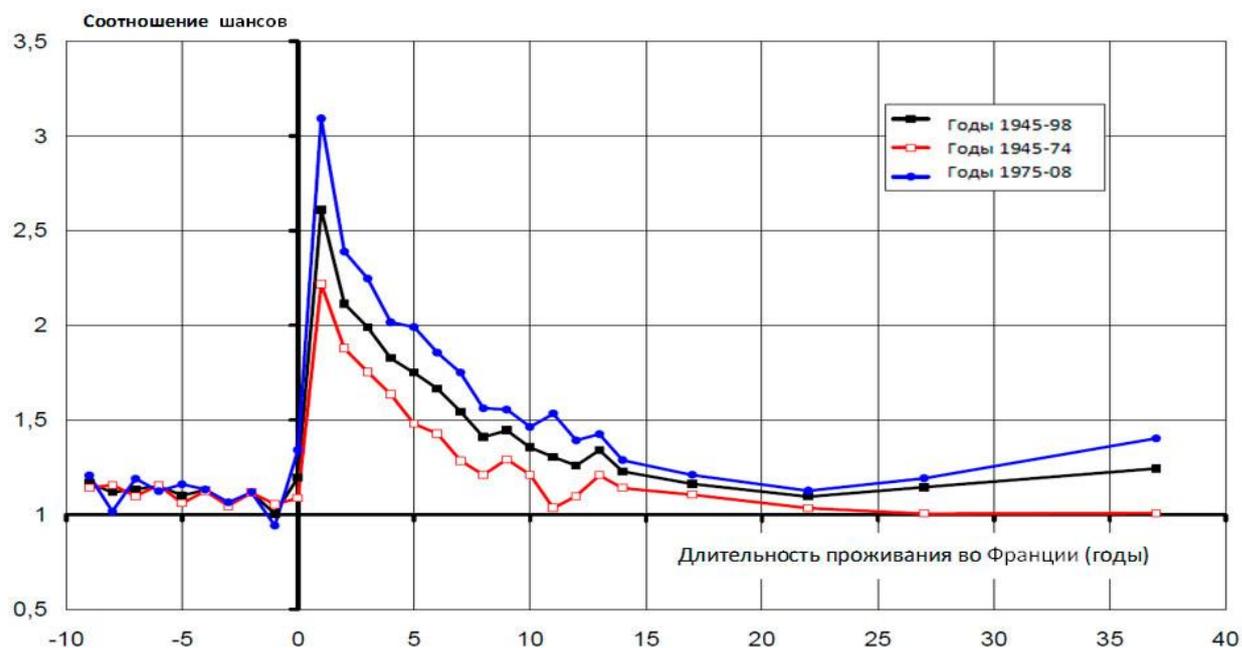

Рисунок 1. Влияние миграционного статуса женщины на общее количество детей у нее: соотношения рисков (odds ratio) в регрессии Пуассона у женщин разных лет въезда во Францию в зависимости от длительности проживания во Франции

Источник: [Toulemon 2006].

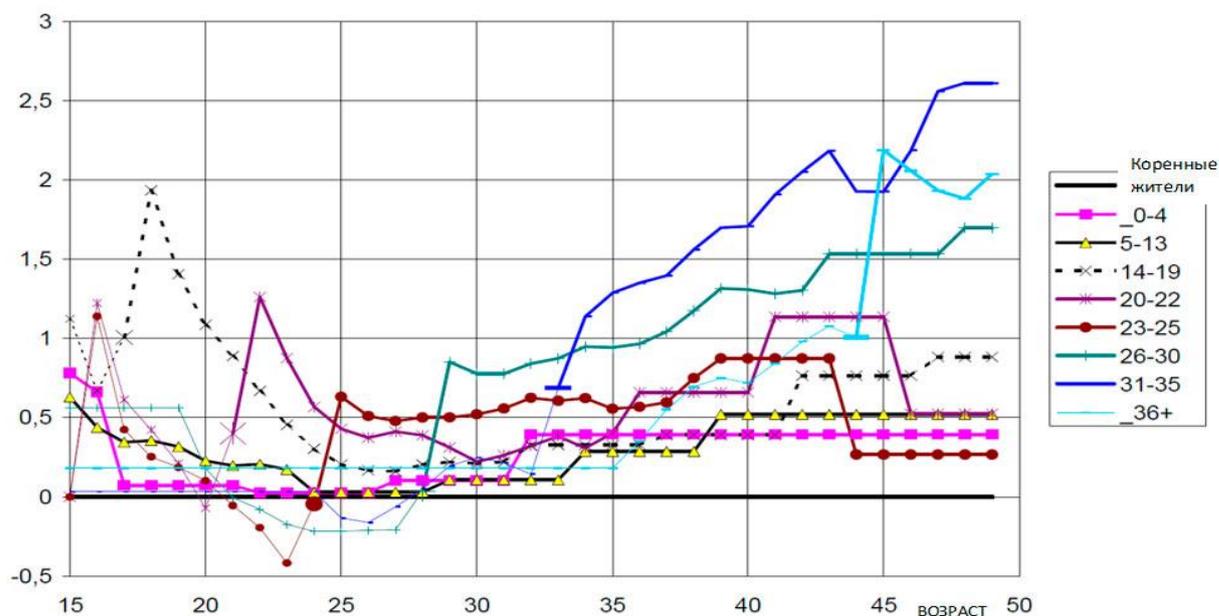

Рисунок 2. Разности возрастных коэффициентов рождаемости женщин, мигрировавших во Францию в разных возрастах, и коренных жительниц Франции, в среднем за 1975-1998 гг.

Источник: [Toulemon 2006].

На основе этих наблюдений Л. Тулемон [Toulemon 2006] делает вывод, что сравнение КСР коренных жительниц и мигранток может дать неверное представление о реальном соотношении их уровней рождаемости в принимающей стране. Действительно, поскольку коэффициент суммарной рождаемости – это сумма однолетних возрастных ее коэффициентов за соответствующий год, то значение этого коэффициента у мигранток может быть разным в зависимости от того, какова доля «новых» мигранток в той или иной возрастной группе, даже если все прочие величины, используемые при расчете КСР, останутся неизменными. Так происходит потому, что в разных возрастных группах различия по рождаемости в зависимости от давности въезда в страну, как показал Тулемон, могут быть неодинаковыми. Однако колебания КСР, вызванные исключительно изменениями долей «новых» мигранток в возрастных группах, не будут соответствовать реальным изменениям уровня рождаемости у присутствующих в стране женщин-мигранток.

В ряде исследований возрастные коэффициенты рождаемости для разных групп мигранток по возрасту въезда приводятся для периодов не только после, но и до миграции. Если есть только коэффициенты для возрастов, в которых мигрантки находились на принимающей территории, можно проверять гипотезы адаптации, социализации, разрыва. Если же имеются возрастные коэффициенты и для возрастов, в которых мигрантки еще не въехали в страну, то можно для каждого возраста въезда проверить и гипотезу селективности. На рисунке 3 приведены возрастные коэффициенты рождаемости для женщин, въехавших в Испанию в разном возрасте, для 1987-2006 годов (средние коэффициенты для всех этих 20 лет, учитывающие миграцию из всех стран; [Devolder, Vueno 2012]). Видно, что у въезжающих в страну во взрослом возрасте не старше 32 лет в первые годы после въезда наблюдается кратковременный скачок рождаемости, что подтверждает гипотезу разрыва. У женщин, въехавших в возрасте 28 лет или старше, заметно снижение рождаемости в последние годы перед переездом, что подтверждает гипотезу селективности. Разная динамика рождаемости в зависимости от возраста въезда наблюдается и после достаточно длительного пребывания в Испании. Так, женщины, въехавшие в возрасте 23-27 лет, начиная с 35 лет мало отличаются по уровню рождаемости от уроженок Испании, а женщины, въехавшие в возрасте 28-32 года, в интервале 35-44 года превосходят коренных жительниц более чем в два раза. Этот контраст может быть объяснен эффектом адаптации, ожидаемо тем более полной, чем больше лет женщина провела в принимающей стране. На рисунке 3 можно увидеть и эффекты социализации: особенно ярко они проявляются у женщин, въехавших в страну в возрасте 18-22 лет, поскольку они заметно превосходят по рождаемости уроженок страны, даже после того, как прожили в Испании более 10 лет. Такое «переплетение» тенденций, соответствующих разным гипотезам, было бы невозможно увидеть, если бы возрастные коэффициенты рождаемости вычислялись для мигранток без различия времени въезда.

В ряде работ отмечаются и другие потенциальные проблемы для сопоставления рождаемости у мигранток и коренных жительниц через сравнение их КСР. Так, в статье [Roig Vila, Martín 2007], авторы, рассматривая рождаемость у мигранток в Испании, отмечают разницу в возрастных тенденциях рождаемости у коренных жительниц этой страны и у женщин, иммигрировавших в нее. В 2004 г. средний возраст матери при

рождении первого ребенка у коренных жительниц, перед этим длительное время повышавшийся, достиг 29,3 года, тогда как у выходцев из Африки, Латинской Америки, Азии он был на 2-3 года ниже и не имел тенденции к повышению по сравнению с предыдущими годами. Известный эффект уменьшения КСР в период повышения возраста старта материнства (fertility postponement; см., напр., [Sobotka, Lutz 2011]) мог искусственно увеличить разницу между коренным населением и мигрантами по этому показателю, делая сопоставление менее осмысленным.

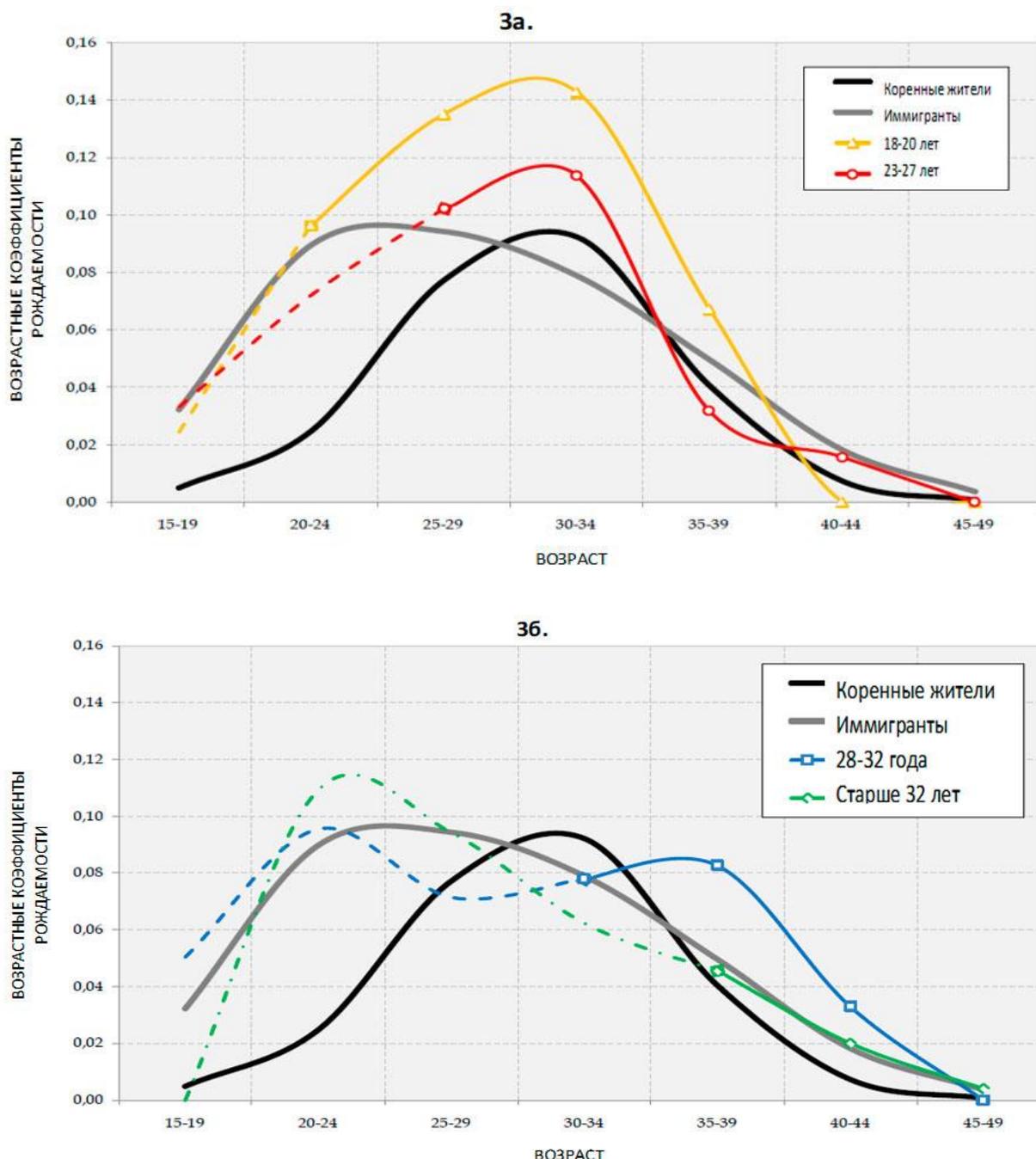

Рисунок 3. Средние возрастные коэффициенты рождаемости для коренных жительниц Испании и мигранток, 1987-2006 гг.

Источник: [Devolder, Bueno 2012].

В литературе имеется также ряд предложений по более «агрегированному» сопоставлению рождаемости мигрантов и коренных жителей, не требующему построения отдельных графиков для разных возрастов въезда. Одно из таких предложений содержится в уже упомянутой работе Л. Тулемона [Toulemon 2006]. Суть его в том, чтобы для мигранток, въехавших в страну в определенный год, отдельно для каждого возраста въезда определять (а) среднее число детей, рожденных до миграции (“before”; показатель для реальной миграционной когорты); (б) среднее число детей, рожденных в текущем году мигрантками, въехавшими в данном возрасте и в более старших возрастах (“after”; сумма периодных возрастных коэффициентов рождаемости для мигранток). Суммированием (а) и (б) получается число детей, ожидаемых к концу репродуктивного периода у мигранток, въехавших в страну в текущем году в определенном возрасте (это суммирование напоминает процедуру подсчета прогнозной итоговой рождаемости когорт, не закончивших репродуктивный период, методом Брасса – см. [Moultre et al. 2013]). Ожидаемое к концу репродуктивного периода число детей у мигранток, въехавших в страну в определенном возрасте, сопоставляется с соответствующим числом детей у коренных жительниц страны того же возраста. Последнее считается как сумма текущего когортного коэффициента рождаемости (before) и периодных коэффициентов более старших возрастов для исследуемого года (after). Такие прогнозные показатели для всего репродуктивного периода, очевидно, свободны от воздействия тех колебаний рождаемости, связанных с хронологическим расстоянием от события миграции, из-за которых затруднено использование КСР применительно к сообществам мигрантов. На рисунке 4 показано такое сопоставление для Франции за 1991-1998 гг.

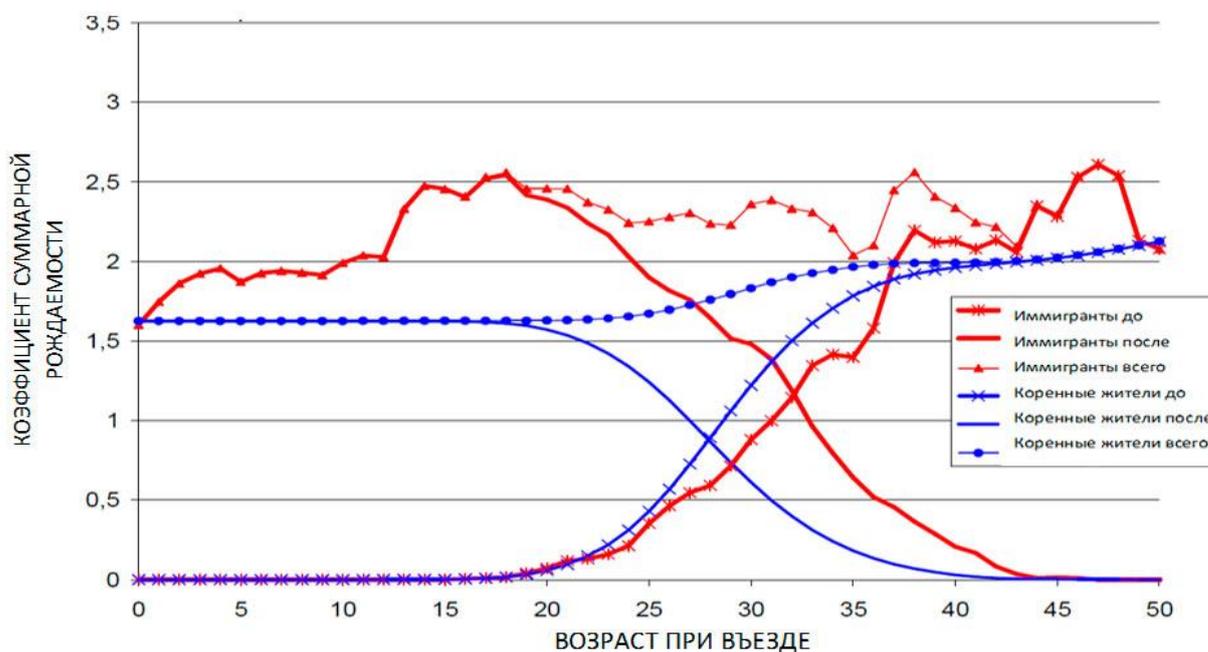

Рисунок 4. Накопленная рождаемость мигрантов до въезда во Францию и их прогнозируемая рождаемость после въезда в зависимости от возраста при въезде, в сопоставлении с накопленной и прогнозируемой рождаемостью коренных жителей тех же возрастов, 1991-1998 гг.

Источник: [Toulemon 2006].

В практике исследования рождаемости среди мигрантов такие показатели, однако, используются довольно редко. В разделе 3 мы увидим, что для сопоставления рождаемости среди мигрантов и немигрантов в той или иной стране, несмотря на все перечисленные проблемы, исследователи часто довольствуются обычным КСР для календарного периода. С учетом вышесказанного к таким сопоставлениям приходится относиться с осторожностью.

Кратко остановимся теперь на проблемах с использованием коэффициентов рождаемости реальных когорт при изучении репродуктивного поведения мигрантов. Эти проблемы, по-видимому, можно считать даже более серьезными, чем проблемы с использованием периодных коэффициентов. Действительно, предположим, что коэффициенты рождаемости для возрастных когорт, завершивших или завершающих свой репродуктивный период, отдельно вычисляются для женщин, мигрировавших из страны А в страну Б, и для женщин, родившихся и проведших весь репродуктивный период в стране А. Особенности миграционной истории каждой из женщин, мигрировавших из страны А в страну Б, в том числе возраст, в котором она совершила миграцию, при стандартном подсчете «итоговых» когортных коэффициентов рождаемости мигрантов, разумеется, не учитываются. Поэтому, если различия по этим коэффициентам между мигрантами и немигрантами обнаружены, по ним невозможно увидеть, что внесло основной «вклад» в эти различия: возникли ли они главным образом из-за постепенной адаптации к уровню рождаемости новой страны после переезда или из-за откладывания рождений в период до миграции, или из-за кратковременного «разрыва» детородной активности в начальные годы проживания в новой стране, или по совокупности каких-то из этих факторов. Иными словами, сопоставление когортной рождаемости само по себе не дает возможности оценить имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости.

Даже если есть возможность вычислять не только «итоговые» когортные коэффициенты рождаемости, но и накопленную рождаемость когорт к разным возрастам, выявить влияние миграции на особенности рождаемости остается невозможным. На рисунке 5 показаны накопленные возрастные коэффициенты рождаемости по первому ребенку для разных возрастов коренных жительниц Греции 1950-1954-х и 1955-1959-х годов рождения и для женщин тех же годов рождения, мигрировавших в Грецию из Албании и Болгарии (на основе переписи населения Греции 2001 г.). На графиках легко увидеть значимые и весьма интересные различия: у мигранток из Болгарии, по сравнению с коренными жительницами Греции, выше уровень рождаемости первых детей в ранних возрастах, однако выше и доля женщин, оставшихся бездетными, а у мигранток из Албании, наоборот, рождаемость в ранних возрастах несколько ниже, чем у коренных жительниц Греции, но ниже и доля женщин, оставшихся бездетными к 45 годам. К сожалению, эти данные снова не позволяют ответить на вопрос о том, образовались ли такие различия в основном за счет домиграционного репродуктивного поведения женщин, прибывших из Албании и Болгарии, или же они поддерживались и после миграции. Единственный вариант, который авторам удастся исключить, - это возникновение различий в основном за счет постмиграционного репродуктивного поведения: оказалось, что похожие контрасты с коренными жительницами Греции по рождаемости первых детей демонстрируют и жительницы Албании и Болгарии указанных когорт, не мигрировавшие из своих стран.

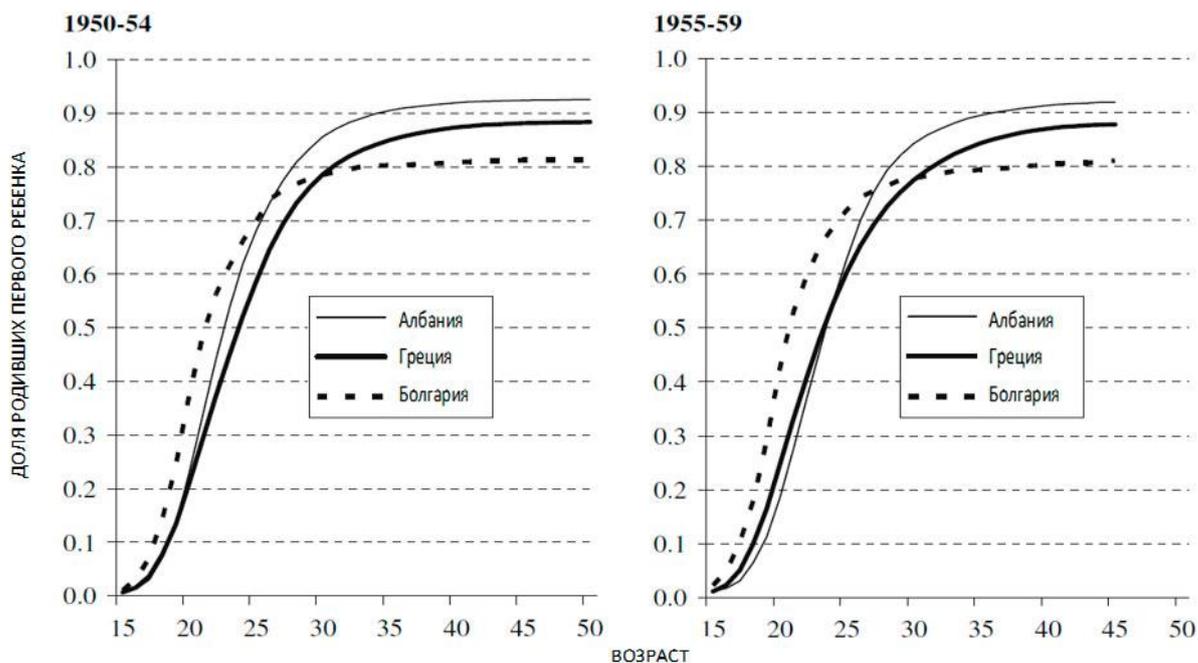

Рисунок 5. Кумулятивная рождаемость по первым детям (число первых детей на одну женщину к данному возрасту) для коренных жительниц Греции и женщин, мигрировавших из Албании и Болгарии, 1950-1954 и 1955-1959 годов рождения

Источник: [Bogovos et al. 2008].

Вместе с тем при использовании данных переписей, если в них не указаны возраст совершения миграции и возраста рождения всех детей, сопоставление «итоговых» когортных показателей мигрантов и коренных жителей часто является единственной возможностью. В этом случае определенный свет на взаимосвязь миграции и рождаемости может пролить анализ различных социальных параметров женщин-мигрантов и женщин, оставшихся в родной стране. Например, в указанной работе по миграции в Грецию [Bogovos et al. 2008] авторы обнаруживают, что у когорт 1950-1960-х годов рождения, мигрировавших в Грецию из Албании, уровень образования был в целом заметно выше, чем у когорт их соотечественниц, оставшихся на родине. У женщин тех же возрастных когорт, родившихся в Болгарии, соотношение обратное: у тех из них, кто мигрировал в Грецию, уровень образования в среднем ниже, чем у тех, кто остался дома. Параллельно с этими контрастами отличие «вниз» по накопленной рождаемости (по детям всех порядков рождения) у мигранток из Албании в Грецию, по сравнению с женщинами, оставшимися в Албании, в этих когортах было значительно более заметным, чем у мигранток из Болгарии в Грецию, по сравнению с женщинами, оставшимися в Болгарии (рисунок 6). Это позволило авторам говорить об эффекте селективности при миграции из Албании (но не из Болгарии): переезд из Албании в Грецию, по-видимому, совершался в основном женщинами, ориентированными на образование и карьеру и не рассматривавшими деторождение в качестве основного приоритета.

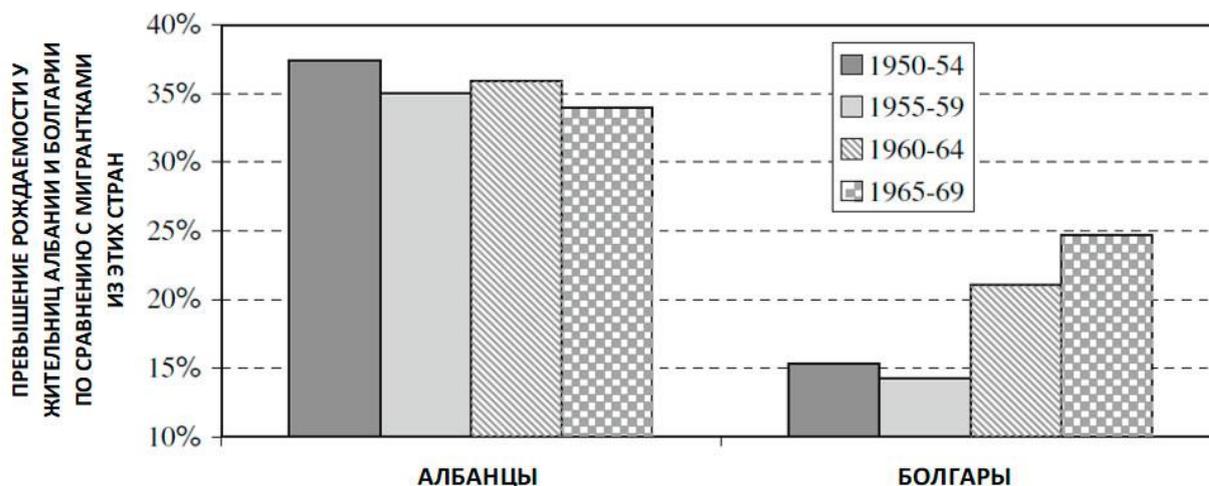

Рисунок 6. Превышение коэффициентов рождаемости у жительниц Албании и Болгарии по сравнению с мигрантками из этих стран в Греции, когорты 1950-54 – 1965-69 годов рождения, в %

Источник: [Bogovos et al. 2008].

Возможность в отдельных случаях получать подобные достаточно интересные результаты не снимает описанных выше проблем с использованием когортных показателей при изучении рождаемости среди мигрантов. Отметим, однако, что указанные проблемы с использованием когортных коэффициентов, разумеется, не возникают, когда сопоставляется рождаемость коренных жителей принимающей территории и живущих на ней мигрантов во втором поколении (см. «когортный» анализ рождаемости мексиканских мигрантов второго и третьего поколения в США в [Parrado, Morgan 2008] и рождаемости потомков русских мигрантов в Эстонии в [Puur et al. 2017])².

2.2. Исследования, основанные на моделях пропорциональных рисков

У женщин, совершивших миграцию во время репродуктивного периода, этот период, с точки зрения миграционного статуса, распадается минимум на две части – до и после миграции (а если женщина мигрировала в этот период более одного раза, то, соответственно, на три части или более). В силу этого при моделировании взаимосвязи рождаемости и миграции недопустимым упрощением было бы приписывать каждой женщине в выборке одно из значений бинарного признака «мигрант»/«немигрант». Очевидно, что в этом случае не удалось бы разграничить репродуктивное поведение женщины до и после миграции.

Модели, позволяющие наиболее полно отразить влияние изменений миграционного статуса женщины на ее репродуктивное поведение, – это так называемые модели пропорциональных рисков (proportional hazard models). В настоящем обзоре мы даем лишь

²Такие проблемы не возникают и в исследованиях рождаемости реальных когорт, в которых учитывается время совершения миграции. Обычно такие исследования основаны на данных выборочных опросов населения. Примером может служить «когортное» исследование взаимосвязи рождаемости и внутренней миграции среди жителей РФ по данным выборочных обследований РиДМиЖ и ОиЗ [Захаров, Сурков 2009].

самую краткую характеристику математического устройства этих моделей, ограничиваясь теми их свойствами, которые необходимы для понимания причин использования этих моделей в исследованиях рождаемости мигрантов. Для более подробного описания моделей пропорциональных рисков, ориентированного в первую очередь на их применение в демографических исследованиях, мы отсылаем читателя прежде всего к электронному ресурсу Generalized Linear Statistical Models (гл.7)³; из русскоязычных работ рекомендуем [Бурдяк 2007].

Определим сначала понятие риска. В его основе лежит так называемая функция дожития (survival function). Она определяется для разных точек во времени t , в которые может наступить некоторое событие. Момент наступления события обозначим как T . Пусть $f(t)$ – это функция, показывающая вероятность того, что событие произойдет именно во время t , а $F(t)$ – это функция, показывающая вероятность того, что некоторое событие наступит до момента t , т.е. $F(t) = Pr\{T < t\}$. Функция дожития $S(t)$ определяет вероятность противоположного положения дел, т.е. того, что событие не наступит раньше, чем момент t^4 :

$$S(t) = Pr\{T \geq t\} = 1 - F(t). \quad (1)$$

С помощью функции дожития может быть определена и функция риска (hazard function) $\lambda(t)$. Она равна соотношению вероятности того, что событие произойдет именно во время t , к функции дожития $S(t)$:

$$\lambda(t) = f(t)/S(t). \quad (2)$$

Функции риска, используемые в конкретных моделях, различаются по тому, являются ли отрезки времени t , на которых определяются функция дожития и функция риска, бесконечно малыми или дискретными (равными, например, году, месяцу и т.д.). Если длина отрезка t стремится к нулю, то функцию риска можно также определить следующим образом:

$$\lambda(t) = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} Pr\{t \leq T < t + \Delta t \mid T \geq t\} / \Delta t. \quad (3)$$

Если же временные отрезки являются дискретными, то часто на основе функции риска вычисляются так называемые шансы (odds), представляющее собой отношение вероятности наступления события во время t к риску его ненаступления в это же время при условии, что ранее оно не наступило: $p(t)/(1-p(t))$. Это соотношение (точнее, его логарифм) является зависимой переменной в логистических регрессиях. Преимущества его использования в моделях пропорциональных рисков при дискретных временных отрезках такие же, как преимущества его использования в логистических регрессиях (о последних см., напр., [Сток, Уотсон 2015: 399-424]).

³ URL: <http://www.data.princeton.edu/wws509> (дата обращения: 12.07.2017)

⁴ Название «функция дожития» связано с тем, что первоначально эта функция использовалась в демографии для исследования вероятности наступления смерти; в настоящее время, однако, несмотря на сохранение такого названия, функция используется для моделирования самых разных демографических событий, включая деторождение, вступление в брак, развод, совершение миграции и др.

В моделях пропорциональных рисков, используемых для исследования взаимосвязи рождаемости и миграции, зависимым параметром является, как правило, риск (или шанс – синоним, который представляется более уместным, когда речь идет о деторождении) деторождения у женщины на каком-либо временном отрезке. Независимые параметры – различные характеристики данной женщины, определяемые либо независимо от отрезка времени (например, национальность, год рождения, число родных братьев/сестер, является ли она уроженкой города или села и др.), либо отдельно для каждого отрезка времени (например, возраст, количество имеющихся детей, брачный статус, является ли женщина мигранткой на данном временном отрезке, сколько лет прошло после миграции или сколько лет осталось до миграции и т.д.). Очевидно, что временной период, исследуемый в такой модели, может быть разным по длине для каждой женщины: он зависит от ее возраста на момент исследования и от того, в каком возрасте у нее наступило событие, риск которого исследуется в модели. Например, если исследуется шанс рождения первого ребенка, то период времени, для которого этот шанс будет определяться для конкретной женщины, – это время между началом ее репродуктивного периода и рождением первого ребенка (если таковое произошло до времени исследования) или временем исследования (если первый ребенок до него не родился).

В наиболее общем виде модель рисков можно представить следующим образом:

$$\ln(\lambda(t)_i) = y(t) + \sum_l \alpha_l x_{il} + \sum_m \beta_m w_{im}(t) \quad (4)$$

где $\lambda(t)_i$ – шанс деторождения определенного порядка у женщины i на временном отрезке t при условии, что до отрезка t деторождения данного порядка у нее не было; $y(t)$ – функция от времени, значение которой не связано ни с какими другими независимыми параметрами (шкала времени строится отдельно для каждой женщины; ее нулевой точкой является либо начало наблюдений, либо переход женщины в состояние, когда у нее может наступить исследуемое событие, например, возможность родить второго ребенка наступает через определенный период после рождения первого); x_{il} – независимые параметры, характеризующие женщину i , не изменяемые во времени, $w_{im}(t)$ – значения для времени t характеристик женщины i , изменяющихся во времени, α и β – наборы линейных коэффициентов при независимых параметрах. Важное допущение модели состоит в том, что любой независимый параметр оказывает одинаковое влияние на шанс деторождения во все временные промежутки (что выражается тождеством коэффициента для заданного параметра во все моменты времени).

Если в модели вместо рисков в качестве зависимых параметров выступают шансы, то уравнение модели отличается от (4) только левой частью:

$$\ln(\lambda(t)_i / (1 - \lambda(t)_i)) = y(t) + \sum_l \alpha_l x_{il} + \sum_m \beta_m w_{im}(t). \quad (5)$$

Модель, представленная в (5), вообще говоря, не задает ограничений на длину временных промежутков, для которых она строится. Однако на практике эта длина не должна быть слишком большой. Абсолютное большинство исследований рождаемости, использующих модель (5), строят ее с месячным шагом. Нам неизвестны исследования, в которых удалось бы получить содержательные результаты при годовом шаге такой модели. А это значит, что построение моделей рисков требует весьма детальных данных о

жизненной истории включенных в выборку женщин с помесечной локализацией основных событий.

В большинстве исследований, использующих модель пропорциональных рисков для изучения взаимосвязи миграции и рождаемости, для презентации результатов моделирования используются так называемые соотношения рисков (*risk ratios*) или соотношения шансов (*odds ratios*). Эти соотношения отдельно определяются для каждого независимого параметра, включенного в правую часть уравнения (4) или (5). Например, если исследуется влияние на шансы деторождения во время t уровня образования женщины в это время, в презентации модели чаще всего будут содержаться не линейные коэффициенты, стоящие при дихотомических переменных «имеет начальное образование», «закончила среднюю школу», «закончила университет» и др., а соотношения этих коэффициентов, в которых один из них принимается за единицу.

Основной способ проверки гипотез социализации и адаптации в рамках таких моделей – это сопоставление шансов деторождения (а) у мигрантов на временных отрезках, более поздних, чем событие миграции, (б) у жителей, постоянно проживающих на принимающей территории, (в) у жителей, постоянно проживающих на территории, откуда была совершена миграция. Если риски (а) и (б) близки, а риск (в) от них значимо отличается, есть основания говорить о подтверждении гипотезы адаптации. Если, наоборот, риски (а) и (в) близки и значимо отличаются от рисков (б), это можно рассматривать как подтверждение гипотезы социализации. При этом, разумеется, в модели можно различать направления миграции. Так, в [Kulu 2005] на примере внутренней миграции в Эстонии женщин, родившихся с 1944 по 1973 г., показано, что у женщин, мигрировавших из сел в крупные города, шанс рождения (точнее, в построенной в указанной работе модели – зачатия) первого ребенка на временных промежутках после миграции ниже, чем у женщин, постоянно проживающих на селе, и статистически близок тому же шансу у женщин, постоянно проживающих в крупных городах. Это может рассматриваться как свидетельство эффекта адаптации. В этом же исследовании показано, что у женщин, совершивших миграцию в сельскую местность, шанс зачатия первого ребенка на временных отрезках после миграции выше, чем у жительниц сельской местности, миграции не совершивших. Если объяснить такое соотношение шансов тем, что миграция в сельскую местность предполагает наличие у женщины планов создания «большой семьи», то можно говорить о подтверждении гипотезы селективности (заметим, что похожие эффекты наблюдаются и в других странах: так, в [Захаров, Сурков 2009] отмечается повышенная рождаемость российских женщин 1930-х – 1960-х годов рождения, мигрировавших из города в село).

Важным тестом для любых гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости является введение в модели рисков различных параметров, не имеющих отношения к миграционному статусу женщины. Если различия рисков при разных миграционных статусах после этого сохраняют значимость, это становится важным подтверждением соответствующей гипотезы о влиянии миграции на рождаемость. В уже упомянутой статье Х. Кулу [Kulu 2005] показано, что после введения в модель таких параметров, как брачный статус женщины, уровень ее образования, наличие работы, количество братьев и сестер и др., различие рисков у мигрантов и не мигрантов в сельской местности теряет значимость,

а различие по рискам между сельскими жителями и мигрантами в городах сохраняется. Тем самым гипотеза адаптации для мигрировавших в города проходит дополнительную проверку, а гипотеза селективности для мигрантов в сельскую местность, согласно Кулу, – нет. В статье [Kulu, Hannemann 2016] аналогичной проверке подвергается гипотеза социализации для случая международной миграции в Великобританию. Для женщин, мигрировавших в Великобританию из Пакистана и Бангладеш, шансы рождения детей разных порядков на временных отрезках, проведенных в Великобритании, оказываются выше, чем для мигрантов из других стран. При введении в модель таких дополнительных независимых параметров, как исполнение женщиной основных обрядов, требуемых ее религией, количество у нее родных братьев и сестер, пол предыдущих детей (для порядков рождения, начиная со второго), место жительства в Великобритании, брачный статус на момент опроса и др., разница шансов деторождения в зависимости от страны происхождения остается значимой, что «укрепляет» гипотезу социализации.

Что касается проверки в моделях рисков гипотезы разрыва, то она возможна путем введения в модель параметра «число месяцев (или лет) после миграции». Например, упомянутое исследование по Эстонии показало, что у женщин, мигрировавших в крупные города, шансы деторождения тем ниже, чем меньше времени прошло от момента миграции, что подтверждает гипотезу разрыва.

Возможна в таких моделях и проверка гипотезы селективности. Один из способов ее проверки предлагается в [Lindstrom 2003], где для мигрантов из сел в города в Гватемале отдельно определяются шансы деторождения на временных отрезках до и после миграции (т.е. значение переменной миграционного статуса для таких мигрантов на отрезках, предшествующих событию миграции, – «мигрант из села в город до миграции», а на последующих отрезках – «мигрант из села в город после миграции»). Оказывается, что шансы деторождения у будущих мигрантов на момент их проживания в селе ниже, чем у жителей села, не мигрировавших в город, что подтверждает гипотезу селективности. Другой способ проверки гипотезы селективности предлагается в [White et al. 1995], где исследуется внутренняя миграция в Перу. Там предлагается строить модели, где зависимой переменной является шанс не деторождения, а миграции. Если оказывается, что имеющееся у женщины до миграции число детей значимо для риска миграции, это можно рассматривать как подтверждение гипотезы селективности.

Модель пропорциональных рисков позволяет также отследить разное влияние миграции на рождаемость в зависимости от цели миграции. Например, можно отделить влияние на рождаемость миграции, совершенной для вступления в брак, и миграции, совершенной семьей, уже имеющей детей. Варианты моделей, отличающих «брачную» и другие типы миграции, предлагаются, например, в [Hoem, Nedoluzhko 2008], где показана возможность исследовать в рамках модели рисков «треугольник» событий, включающий миграцию женщины, ее вступление в брак и деторождение. Моделируя шансы рождения ребенка, в качестве отдельных независимых параметров в модель пропорциональных рисков авторы предлагают ввести время, прошедшее с момента миграции, и время, прошедшее с момента вступления в брак. Это позволяет просто "развести" эффекты "расстояния" от этих двух событий до первой рождаемости. Также предлагается отдельно рассматривать влияние на деторождение трех видов миграции (рассматривая их в моделях

как три разных события): миграция до вступления в брак; миграция, одновременная со вступлением в брак; миграция после вступления в брак. Тем самым возможно проверить гипотезу о том, что влияние миграции на рождаемость может быть разным в зависимости от временного соотношения миграции и вступления в брак. При разных временных соотношениях можно отдельно проверять основные гипотезы о влиянии миграции на рождаемость.

Отметим, что попытки «отделить» брачную миграцию от других типов миграции в моделях рисков делались и ранее. В [Mulder, Wagner 1993] предлагается оригинальный метод исследования взаимосвязи миграции и брачно-репродуктивного поведения. В статье этот метод применяется для исследования взаимосвязи миграции и вступления в брак, но он точно так же может быть применен для изучения взаимосвязи миграции и деторождения. Авторы предлагают отдельно рассматривать шансы вступления в брак на том же самом временном отрезке, на котором совершена миграция, и шансы вступления в брак в другое время. Очевидно, что для этого требуется создание модели пропорциональных рисков с риском миграции, определенном на достаточно малых дискретных временных отрезках (например, на отрезках длиной в один месяц). Строя такую модель для миграции и брачного поведения жителей Германии 1939-1941 годов рождения (данные для модели основаны на социологическом исследовании German Life Histories Survey), авторы вводят тройственную характеристику каждого временного отрезка по брачному статусу респондента: «не имеет семьи», «имеет семью на начало данного отрезка», «создал семью на данном отрезке». Одновременно строится более «стандартная» модель, при которой параметр брачного статуса имеет всего два значения на каждом отрезке: «не имеет семьи», «имеет семью». Оказалось, что в модели с тремя значениями этого параметра наиболее высоки риски миграции именно на тех временных отрезках, на которых заключается брак. При этом значимость для рисков миграции возраста и расстояния переезда (рассматривалась только миграция внутри Германии) в модели с «тройственным» параметром брачного статуса была значительно меньше, чем в модели, где этот параметр имеет всего два значения. Очевидно, что при исследовании других сообществ мигрантов соотношения значимости в моделях может быть другим.

2.3. Другие методы моделирования, используемые для изучения рождаемости среди мигрантов

Для построения моделей пропорциональных рисков требуется весьма детальная информация о жизненном пути каждой женщины, включенной в выборку: необходимо знать не только ее возраст, число у нее детей и миграционный статус, но и достаточно точное (как правило, в пределах месяца) время основных событий ее «жизненной истории», включая вступление в брак, деторождения, переезды. Сегодня многие количественные полевые исследования рождаемости среди мигрантов нацелены на получение именно такой информации. Однако по объективным причинам получить надежную «хронологию» жизненных событий удается не всегда. В этом случае для выявления взаимосвязи миграции и рождаемости требуются модели иных типов, способные «работать» с более ограниченной информацией. Возможности таких моделей существенно скромнее из-за того, что они анализируют более «грубое» изображение реальности. Поэтому закономерно, что

моделирование рождаемости у мигрантов, не использующее модели рисков, находится сейчас за пределами научного «мейнстрима». Однако знание о таких моделях необходимо, потому что при качестве данных, не позволяющем строить модели рисков, актуальным становится вопрос об альтернативных способах моделирования.

Ниже рассмотрен ряд работ, в которых предлагаются модели рождаемости у мигрантов, не требующие детальной временной локализации жизненных событий. Начинается рассмотрение с работ, в которых явным образом предлагаются пути проверки четырех гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости.

В [Hervitz 1985] предлагается достаточно простая количественная оценка того, какая из имеющихся гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости верна для того или иного конкретного мигрантского сообщества. Эта количественная оценка является отношением разности уровня рождаемости (среднего числа детей на одну женщину) на территории, откуда идет миграция, и уровня рождаемости в данном мигрантском сообществе к разности рождаемости на территории, откуда идет миграция, и на территории, куда она идет (такое отношение автор называет *H*-статистика):

$$H = (F_1 - F_m) / (F_1 - F_2), \quad (6)$$

где F_1 – рождаемость на территории, откуда идет миграция, F_2 – рождаемость на территории, куда идет миграция, F_m – рождаемость в мигрантском сообществе. Данный показатель может вычисляться отдельно для разных миграционных когорт в одно и то же время в одном и том же сообществе мигрантов. Очевидно, что разные гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости формируют разные ожидания относительно величины *H*-статистик для разных миграционных когорт. Если верна *гипотеза адаптации*, то *H*-статистика для недавних мигрантов должна быть близка к нулю, а при переходе к более старшим миграционным когортам она должна возрастать, постепенно приближаясь к единице (это связано с тем, что гипотеза адаптации предполагает постепенное приближение к уровню рождаемости на принимающей территории). Если верна *гипотеза селективности*, то *H*-статистика должна быть близкой к единице для мигрантов вне зависимости от того, как долго они проживают на принимающей территории, поскольку эта гипотеза утверждает "селекцию" для переезда на новую территорию тех, кто еще до переезда воспринял действующие на ней нормы репродуктивного поведения. *Гипотеза разрыва* заставляет ожидать разные значения *H*-статистики для недавних мигрантов и для других миграционных когорт. Наконец, *гипотеза социализации* предполагает значение *H*-статистики, близкое к нулю, независимо от давности миграции, поскольку эта гипотеза предсказывает малое различие между рождаемостью в мигрантском сообществе и на территории, откуда совершена миграция.

Вычисляя *H*-статистики и тем самым оценивая имеющиеся гипотезы для разных групп внутренних мигрантов в Бразилии, автор показывает, что их значение может быть разным даже для одного и того же направления миграции (например, из города в село) и одной и той же давности миграции. Различия могут определяться образованием мигрантов, а также социокультурными характеристиками территорий, откуда и куда идет миграция (автор предлагает, например, в контексте Бразилии различать "модернизированные" и "традиционные" города; для каждого типа города значение *H*-статистики может быть

своим). Основной содержательный результат, который автор получает с помощью метода Н-статистик, состоит именно в том, что в одной и той же стране разные группы внутренних мигрантов могут различаться по тому, как меняется у них рождаемость после миграции и, следовательно, какую из имеющихся гипотез подтверждает их репродуктивное поведение.

В ряде работ предлагается проверка гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости в рамках моделей с линейной регрессией или регрессией Пуассона, где зависимый параметр – число детей, рожденных в определенный период, а среди независимых параметров есть те, которые, с учетом имеющихся данных, отражают «жизненную историю» женщины. Пример такой модели содержится в [Lee, Farber 1984]. Для того, чтобы построить модель предложенного в этой статье типа, нет необходимости знать время миграции женщины и рождения ею детей с точностью до месяца, как это обычно требуется в моделях рисков. Достаточно иметь данные, которые позволяют определить общее число детей у женщины на момент исследования и в определенные годы до исследования, а также знать пятилетний период, на который приходится совершенная женщиной миграция. Очевидно, что данные такого рода во многих случаях получить легче, чем хронологию деторождений и переездов с месячной точностью.

Кратко опишем устройство модели, а затем проиллюстрируем, как модель позволяет оценить разные гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости.

Модель представляет собой линейную регрессию с числом детей, рожденных женщиной в определенный пятилетний период, в качестве зависимого параметра. В совокупность включаются не только женщины, совершившие миграцию, но и, как контрольная группа, женщины, оставшиеся проживать на территории, откуда была совершена изучаемая миграция. Для формирования контрольной группы принципиальное значение имеет то, что из женщин-мигранток в совокупность включаются только вышедшие замуж до миграции и оставшиеся замужем на момент исследования. Это ограничение задает минимальный срок нахождения замужем для каждой миграционной когорты, включаемой в исследование. Например, изучая рождаемость у женщин, мигрировавших из села в город в Южной Корее, по данным исследования, проведенного в 1974 г., из женщин-мигранток авторы включают в рассмотрение только тех, кто был замужем как минимум с года миграции до 1974 г. Для женщин, совершивших переезд из села в город в 1964 г., это означает минимальный срок нахождения замужем в течение десяти лет. В качестве контрольной группы для женщин этого года миграции признаются женщины, родившиеся на селе, прожившие там без миграции в города до 1974 г. и также пробывшие к 1974 г. замужем минимум десять лет.

На практике в предложенной модели похожим способом строятся контрольные группы не для однолетних, а для пятилетних миграционных когорт. Также контрольные группы могут быть разными для разного периода деторождения одной и той же миграционной когорты. Дело в том, что для каждой пятилетней миграционной когорты уравнения общего числа детей строятся отдельно для разных пятилетних периодов. Например, для женщин, мигрировавших из села в город в Южной Корее в 1960-1964 гг., строятся уравнения для числа детей, родившихся у них в 1950-1954 и 1955-1959 гг. (домиграционные пятилетки), в 1960-1964 гг. (миграционная пятилетка), а также в 1965-

1969 и 1970-1974 гг. (послемиграционные пятилетки). Для каждого из этих уравнений в совокупность включаются также женщины, не мигрировавшие из села, если они были замужем с начала соответствующей пятилетки и до момента исследования.

Ключевая идея состоит в том, чтобы с помощью уравнения обнаружить для каждого пятилетнего периода каждой миграционной когорты влияние на число детей, рожденных в этот период, параметра миграции, который имеет значение «1», если женщина в какой-то момент жизни совершила миграцию, и значение «0» если не совершала. При этом, поскольку уравнения строятся отдельно для каждой миграционной когорты и отдельно для каждой ее «пятилетки» относительно миграции, с помощью уравнений можно зафиксировать повышающее или понижающее влияние миграции на число детей, рожденных как в периоды после нее, так и в периоды до нее. Именно коэффициенты при параметре миграции позволяют проверять имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости. В качестве примера рассмотрим коэффициенты при этом параметре для женщин, мигрировавших в Южной Корее из села в город в 1960-1964 гг. (таблица 1). Коэффициенты показывают, на сколько больше или меньше детей родилось у женщин данной миграционной когорты в ту или иную пятилетку по сравнению с женщинами из контрольной группы не мигранток (необходимо оговорить, что в уравнения, наряду с параметром миграции, включается большое количество других параметров, ожидаемо влияющих на рождаемость; это, в частности, возраст, число детей, родившихся в предыдущий пятилетний период, образование мужа и жены, уровень доходов мужа и жены и др.; контроль по этим параметрам позволяет отделить влияние на рождаемость миграции от влияния на нее других характеристик женщины и ее семьи).

Таблица 1. Влияние миграции на рождаемость в пятилетние периоды у женщин, совершивших миграцию из села в город в Южной Корее в 1960-1964 гг.: коэффициенты при дихотомическом параметре миграции в линейном уравнении, где зависимый параметр – число детей, родившихся за пятилетний период

Период	1950-54	1955-59	1960-64	1965-69	1970-74
Коэффициент	-0,06	0,10	-0,04	-0,47*	-0,35*

Примечание: $p < 0,1$

Источник: Расчеты на основе данных Korean World Fertility Survey 1974 [Lee, Farber 1984].

Легко видеть, что у этой миграционной когорты факт миграции не оказывает значимого влияния на рождаемость в пятилетки до миграции. Это показывает, что гипотеза селективности для данной миграционной когорты не подтверждается: значимых отличий от женщин, не совершивших миграцию, в домиграционный период нет. Нет этих отличий и в пятилетку, в которую данная когорта непосредственно совершала переезд в города (1960-1964 гг.). Это опровергает уже гипотезу разрыва для данной когорты. Зато значимые отличия от женщин, оставшихся в сельской местности, появляются в послемиграционные пятилетки. Это авторы рассматривают как подтверждение гипотезы адаптации. Отметим, что в указанной статье рассматриваются разные миграционные когорты, и для них результаты моделирования оказываются разными. В частности, для женщин, переехавших в города в 1970-1974 гг., значимо меньшей оказалась рождаемость в последние пять лет перед миграцией. Это позволяет говорить о подтверждении гипотезы селективности.

Представленная модель – пример того, как гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости могут быть оценены в условиях, когда информация о репродуктивной истории женщины менее подробна, чем требуется для моделей рисков (похожие модели, но уже для мигрантов в нескольких странах, строятся в [Lee, Pol 1993]). Проблемой при использовании данного типа моделей является то, что результаты моделирования существенным образом зависят от состава контрольной группы. В рассмотренной статье, как мы видели, при формировании контрольной группы принципиальное значение имеет длительность пребывания в браке. Однако такой принцип осмыслен, только если, как в этой статье, исследуется исключительно миграция замужних женщин. Если же расширить исследуемую совокупность, включив в нее женщин, вышедших замуж после миграции, то контрольную группу придется формировать иначе и принципы ее формирования потребуют отдельного обоснования.

В ряде исследований гипотеза селективности проверяется через изучение зависимости между миграцией женщины и числом у нее детей до миграции. В [Brockhoff, Eu 1993] исследуется взаимосвязь между миграцией женщин из сельской местности в города в различных странах Африки и числом детей у женщины до миграции. В исследовании используются данные медико-демографических опросов населения (*Demographic and Health Surveys*) в этих странах. Основным результатом состоит в том, что наличие у женщины двух и более детей во всех обследованных африканских странах связано с более низкой вероятностью миграции в город. Наличие только одного ребенка, а также наличие умерших детей не уменьшают вероятность переселения в город по сравнению с бездетными женщинами. Эти результаты авторы объясняют рядом факторов, среди которых – большие трудности переезда при наличии детей, а также высокий социальный статус многодетных матерей в африканской деревне, который может быть стимулом к отказу от миграции.

Представляют интерес и некоторые модели, которые не позволяют напрямую проверить действие ни одной из четырех рассматриваемых гипотез, но тем не менее дают возможность обнаружить интересные взаимосвязи между миграцией и репродуктивным поведением.

В [Bach 1981] обсуждается вопрос о том, может ли рождаемость среди женщин, мигрировавших с одной территории на другую, быть простой функцией от рождаемости на двух этих территориях. Подход, который признает такую возможность, автор называет аддитивным. Подход, конкурирующий с аддитивным, допускает, соответственно, включение в модель параметров, не связанных с рождаемостью на территориях, откуда и куда была совершена миграция.

Сравнительные достоинства двух подходов автор рассматривает на материале рождаемости среди внутренних мигрантов в Малайзии по данным выборочной переписи, проведенной в этой стране в конце 1966 – начале 1967 гг. Вопросы о миграции в этой переписи не предполагали выявления детальной миграционной истории женщины. Однако каждую респондентку спрашивали о том, в каком типе поселения (в деревне, в малом городе или в крупном городе) провела она большую часть жизни до замужества и большую

часть жизни после замужества. Те, у кого ответы на два эти вопроса не совпадали, и рассматривались автором в качестве мигрантов.

Проверка аддитивного подхода была основана на линейной модели, построенной в его рамках. В этой модели зависимой переменной было общее число рожденных женщиной детей (с контролем на возраст), а в качестве независимых дихотомических переменных выступали типы поселения, в которых проживала женщина до и после замужества (село, малый город, крупный город). Ожидаемое в рамках аддитивного подхода общее число детей у женщины в зависимости от этих типов поселений вычислялось затем как сумма общего среднего числа детей по выборке (взвешенного на возраст женщин) и коэффициентов, полученных в модели для соответствующих типов населенных пунктов. Например, переменная «проживание до замужества в крупном городе» получила в линейной модели коэффициент $-0,33$, а переменная «проживание после замужества в крупном городе» – коэффициент $-0,08$ (т.е. проживание в крупном городе на обоих жизненных этапах влияло на общее число детей негативно). При общем среднем числе детей по выборке $5,98$, ожидаемое число детей у женщин, живших до и после замужества в городах, вычислялось как $5,98 - 0,33 - 0,08 = 5,57$. Аналогичным образом вычислялось и ожидаемое число детей для женщин, проживавших до и после замужества в разных типах населенных пунктов, т.е. для мигранток. Затем ожидаемые средние для каждой категории сопоставлялись с наблюдаемыми средними для тех же категорий по выборке. Соответственно, чем меньше разница между наблюдаемыми и ожидаемыми средними, тем более адекватной можно считать аддитивную гипотезу.

Результаты статистического эксперимента оказались достаточно противоречивыми: разные группы респонденток по типам проживания до и после миграции показали весьма неодинаковые соотношения между ожидаемым в рамках аддитивного подхода и наблюдаемым средним числом детей. У мигранток из малых городов в большие, из сел в малые города и из городов обоих типов в село разница между ожидаемым и наблюдаемым средним числом детей оказалась очень мала. Наоборот, заметные отклонения ожидаемых средних от реальных зафиксированы у двух других групп: у мигранток из крупных городов в малые и из сел в крупные города. У обеих этих групп наблюдаемое среднее число детей оказалось заметно меньше ожидаемого. Автор утверждает, что при тех типах миграции, когда аддитивный подход «не работает», на уровень рождаемости влияют факторы, не связанные с рождаемостью в тех социумах, откуда и куда идет миграция. Например, низкая по сравнению с ожидаемой рождаемостью мигрантов, переехавших из села в крупный город, может объясняться тем, что такие мигранты ориентированы, в первую очередь, на карьеру в новом для себя месте и поэтому откладывают деторождение.

В методологическом отношении описанное исследование представляет интерес прежде всего как попытка найти такие варианты статистического анализа, которые позволили бы определить, в какой мере рождаемость у мигрантов определяется как бы «внешними» характеристиками миграции (в данном исследовании задаваемыми типами поселений, откуда и куда совершена миграция), а в какой мере – жизненными обстоятельствами и целями самих мигрантов.

В [Codjoe 2007] предлагается система линейных моделей рождаемости в социуме, в котором имеются мигранты. Центральным вопросом исследования заключается в том, является ли миграционный статус женщины самостоятельным параметром, влияющим на рождаемость или же связь миграции и рождаемости производна от различий между мигрантами и не мигрантами по каким-то другим параметрам, значимым для рождаемости. Очевидно, что дать на этот вопрос единый ответ, верный для мировой миграции в целом, вряд ли возможно. Автор предлагает способ исследования этого вопроса применительно к конкретным случаям миграции.

Как независимый параметр в предлагаемых автором моделях всегда присутствует «миграционный статус» (дихотомический параметр, показывающий, совершила женщина миграцию или нет), и могут добавляться группы других параметров. В качестве таких групп независимых параметров автор предлагает следующие:

- «Ближайшие детерминанты» (*proximate determinants*) рождаемости. Набор этих параметров стандартен для демографических исследований (брачный статус, возраст при рождении первого ребенка и др.).
- «Вторичные детерминанты» (*non-proximate determinants*⁵) рождаемости. К этой группе относятся в основном параметры, имеющие отношение к социальному статусу и жизненному пути женщины (например, образование, материальное положение семьи, религиозная принадлежность, наличие умерших детей и многое другое).
- Комбинированные параметры. Это параметры, образуемые «перемножением» параметра миграционного статуса и одного из «ближайших» или «вторичных» детерминантов. Например, таковым является дихотомический параметр «мигрант, имеющий умершего ребенка». Введение таких параметров в модель автор оправдывает тем, что эффект взаимодействия параметра миграции с другими параметрами модели может быть не только аддитивным, но и кумулятивным.

Автор предлагает последовательно вводить в модель в качестве независимого параметр миграционного статуса и параметры из числа ближайших и вторичных. Если значимость миграционного статуса в таких моделях сохраняется, это говорит о самостоятельном влиянии миграции на рождаемость. Другим свидетельством влияния миграции на рождаемость, с точки зрения автора, является значимость комбинированных параметров. Автор предлагает сравнивать значимость комбинированных параметров и соответствующих «ближайших» или «вторичных» параметров. Если, например, параметр «мигрант, имеющий умершего ребенка» более значим или имеет больший по модулю коэффициент, чем некомбинированный параметр «наличие умершего ребенка», это показывает, что параметр «наличие умершего ребенка» оказывает большее влияние на рождаемость у мигрантов, чем у не мигрантов. То есть модель позволяет не только оценивать самостоятельное влияние миграции на рождаемость, но и сопоставлять влияние разных параметров на рождаемость у мигрантов и не мигрантов в рамках одного социума.

⁵Отметим, что такое употребление терминов *proximate determinants* и *non-proximate determinants* отличается от их более общепринятого употребления в работах, посвященных рождаемости.

В указанной статье автор строит предложенную им модель для рождаемости мигрантов и не мигрантов в сельской местности Ганы (Центральная Африка). В числе отмеченных им результатов – значимость ряда комбинированных параметров, таких как «брачный статус/мигрантский статус» и «материальное положение семьи/мигрантский статус». Это автор интерпретирует как свидетельство большей значимости параметров брачного статуса и материального положения семьи для рождаемости именно среди мигрантов по сравнению с рождаемостью среди не мигрантов.

В [Singley, Lindale 1998] делается попытка построения такой модели рождаемости мигрантов, которая бы максимально учитывала связь миграции и вступления в брак. Выше мы видели возможности исследования связи миграции и брачности в моделях рисков (раздел 2.2). В данной статье авторы предлагают систему моделей, основанных на логистической регрессии, в которой исследуется вероятность рождения женщиной первого ребенка. По сравнению с моделями рисков, данная модель допускает меньшую детализацию данных о репродуктивной и миграционной истории женщины и на основе таких "усеченных" данных предлагает вариант исследования связи рождаемости с фактом миграции, временем ее совершения, а также с брачным статусом женщины. Для проверки четырех основных гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости во все модели предлагается вводить дихотомические переменные, различающие женщин в выборке по шести «миграционным» категориям: (1) не мигранты (проживающие на территории, откуда идет исследуемая миграция); (2) мигрировавшие меньше двух лет назад; (3) мигрировавшие 2-4 года назад; (4) мигрировавшие пять и более лет назад; (5) мигрировавшие в детстве (в возрасте до 15 лет; опрашиваются женщины 15-49 лет); (6) дети мигрантов, родившиеся после их миграции. Также в качестве обязательных параметров в модели вводятся переменные возраста и брачного статуса. Дополнительно в модель включаются параметры двух групп: (1) характеристики «семейной истории» женщины: число родных братьев и сестер, религиозная принадлежность родительской семьи и др.; (2) характеристики текущего статуса женщины: образование, работа, брачный статус. Через связь с рождаемостью шести перечисленных дихотомических переменных, отражающих миграционный статус женщины, можно простым способом проверить имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости (и их «устойчивость» при введении в модель дополнительных параметров). Например, если положительное значение параметра "миграция меньше двух лет назад" связано с меньшим числом детей, и связь эта более значима, чем у параметра "миграция 2-4 года назад", это говорит в пользу гипотезы разрыва. При этом авторы также предлагают отдельное построение моделей с указанным набором параметров для замужних и незамужних женщин. На исследуемом авторами материале (рождаемость женщин, мигрировавших из Пуэрто-Рико в США) оказывается, что влияние миграционного статуса на рождаемость женщины может быть разным в зависимости от того, замужем она на момент исследования или нет.

Итак, в настоящем подразделе мы рассмотрели некоторые из имеющихся возможностей статистического исследования взаимосвязи миграции и рождаемости без использования модели пропорциональных рисков. Рассмотренные здесь модели предлагают свои способы преодоления основной трудности изучения этой взаимосвязи – необходимости исследовать связь рождаемости не только с самим фактом миграции, но и с

расположением миграции во времени относительно деторождения. Представленные в этом подразделе модели различаются по тому, ответы на какие именно исследовательские вопросы они могут дать. Однако все они показывают, что статистический анализ, не основанный на модели пропорциональных рисков, также способен выявить некоторые нетривиальные аспекты рождаемости в мигрантских сообществах.

3. РОЖДАЕМОСТЬ МИГРАНТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА: ОБЗОР ИЗБРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящем разделе изложены результаты исследований рождаемости мигрантов в ряде стран мира. Обзор этих исследований не претендует на полноту ни по набору стран, в которых так или иначе исследовалась рождаемость среди мигрантов, ни по составу исследований, включенных в обзор по каждой из стран. При выборе исследований мы в первую очередь ставили целью дать читателю представление о многообразии «траекторий», по которым меняется рождаемость в разных переселенческих сообществах, и о том, как на практике переплетаются между собой сценарии, задаваемые различными гипотезами о влиянии миграции на рождаемость. Поэтому приоритет отдавался исследованиям, в которых данные о рождаемости среди мигрантов обсуждаются в свете представленных выше гипотез и из которых видно, что ни одна из этих гипотез в отдельности не может объяснить динамику рождаемости даже внутри одного потока мигрантов.

Обзоры избранных исследований сгруппированы по странам. Их предваряет изложение основных положений статьи [Sobotka 2008] как наиболее полного исследования «вклада» мигрантов в рождаемость в европейских странах на рубеже XX-XXI веков (среди тем, связанных с проблематикой настоящего обзора, увеличение доли детей, рожденных мигрантами в странах Европы, в последние годы привлекает повышенное внимание, в том числе за пределами чисто научного дискурса), а также обзор ряда исследований, показывающих необходимость отдельного изучения рождаемости мигрантов второго поколения (проблемы, внимание к которой в мировой демографии заметно увеличивается именно в последние годы). Далее в подразделе для каждой из стран содержатся краткие данные о миграции в нее в последние десятилетия. При изложении результатов исследований указываются источники данных, на основе которых они выполнены. В заключение каждого подраздела, посвященного какой-либо стране, дается вывод о том, как обнаруженная там динамика рождаемости среди мигрантов соотносится с четырьмя имеющимися гипотезами о влиянии миграции на рождаемость.

3.1. «Вклад» мигрантов в европейскую рождаемость [Sobotka 2008]

Статья [Sobotka 2008] стала одним из первых обобщающих исследований официальных статистических данных по рождаемости мигрантов в западноевропейских странах. Основной вопрос, которым задается автор, состоит в том, как в 1990-е – первой половине 2000-х годов миграция влияла на общий уровень рождаемости в Евросоюзе. Первоисточником данных служит информация статистических органов европейских стран за 1990-2000-е годы (в ряде случаев эти данные заимствуются из предшествующих научных

публикаций). Автор отмечает, что эта информация не единообразна по странам, что происходит, в частности, из-за разной трактовки понятия "мигрант" их органами статистики. Тем не менее доступные данные позволяют заключить, что в большинстве стран Евросоюза в исследуемый период рождаемость у женщин, мигрировавших из-за рубежа, была выше, чем рождаемость у уроженок этих стран (разница по КСР колебалась между 0,3 и 0,9). В таблицах 2 и 3 приведены данные о различиях между КСР у коренных жительниц и мигранток в ряде европейских стран в 1990-е – первой половине 2000-х годов (в таблице 2 содержатся данные по странам, в которых органы статистики отдельно измеряют рождаемость у женщин, родившихся в этой стране, и у женщин, мигрировавших в нее; в таблице 3 – данные по странам, в которых официальная статистика различает рождаемость у женщин, имеющих и не имеющих гражданство этой страны, независимо от их «миграционной истории»; во всех случаях для периодов, больших, чем один год, дается среднегодовое значение КСР). По оценкам автора, «вклад» мигранток в общую рождаемость стран "старой" Европы (т.е. стран, вступивших в Евросоюз до 2000 г.) в 2000-е годы составлял от 10 до 20 %.

Таблица 2. Коэффициенты суммарной рождаемости у женщин, родившихся в данной стране, и у женщин, мигрировавших в нее, в 1990-е – первой половине 2000-х годов

Страна	Период	КСР уроженок страны	КСР мигранток	Разница
Дания	1999-2003	1,69	2,43	0,74
Англия и Уэльс	2001	1,6	2,2	0,6
Франция	1991-1998	1,65	2,50	0,85
Нидерланды	2005	1,65	1,97	0,32
Норвегия	1997-1998	1,76	2,42	0,66
Швеция	2005	1,72	2,01	0,29

Источник: [Sobotka 2008].

Таблица 3. Коэффициенты суммарной рождаемости у женщин, имеющих гражданство данной страны, и у женщин, не имеющих его, в 1990-е – первой половине 2000-х годов

Страна	Период	КСР женщин, имеющих гражданство	КСР женщин, не имеющих гражданства	Разница
Австрия	2001-2005	1,29	2,03	0,74
Бельгия	1995	1,49	2,12	0,64
Франция	1999	1,72	2,80	1,08
Италия	2004	1,26	2,61	1,35
Испания	2002	1,19	2,12	0,93
Швейцария	1997	1,34	1,86	0,52

Источник: [Sobotka 2008].

Отметим, что разрывы по уровню рождаемости между коренными жителями и мигрантами сохранились в западноевропейских странах и в более поздний период. Так, в одном из своих докладов в 2017 г. Т. Сobotка приводил данные по ряду стран на 2014 г., показанные в таблице 4 [Sobotka 2017].

В [Sobotka 2008] автор далее показывает, что в одной и той же европейской стране уровень рождаемости мигрантов из стран с разным уровнем рождаемости на рубеже XX-XXI веков мог быть разным. В большинстве рассмотренных в статье стран наибольшей рождаемостью характеризуются выходцы из Пакистана и Сомали (Таблица 5).

Таблица 4. Коэффициенты суммарной рождаемости у женщин, родившихся в данной стране, и у женщин, мигрировавших в нее, 2014

Страна	КСР уроженок стра	КСР мигранток	Разница
Бельгия	1,59	2,25	0,66
Франция	1,84	3,10	1,26
Великобритания	1,74	2,08	0,34
Норвегия	1,74	1,97	0,23
Швеция	1,83	2,18	0,35
Австрия	1,36	1,96	0,60
Германия	1,42	1,83	0,41
Швейцария	1,43	1,85	0,42
Италия	1,29	1,83	0,54

Источник: [Sobotka 2017].

Таблица 5. Коэффициенты суммарной рождаемости для мигрантов из разных стран в странах Западной Европы в 1990-е – первой половине 2000-х годов

Страна	Период	Сомали	Пакистан	Турция	Иран
Австрия	2000-2005			2,96	
Дания	1999-2003	5,21	3,58		1,84
Англия и Уэльс	2001		4,70		
Франция	1991-1998			3,21	
Норвегия	1997-1998	5,20	3,59	3,09	1,92
Швеция	2005	3,82		2,62	1,31

Источник: [Sobotka 2008].

Одновременно автор показывает, что среди женщин, мигрировавших в страны Евросоюза из стран с высокой рождаемостью, более молодые возрастные когорты в 1990-е - 2000-е годы уподоблялись по рождаемости принимающей стране в большей степени, чем более старшие когорты. Отчасти, по мнению Сobotки, это объясняется тем, что и во многих странах, откуда шла миграция в Европу, в указанный период происходило сокращение рождаемости и повышение возраста материнства, поэтому у более молодых мигрантов контраст по рождаемости между их прежней и новой страной был меньше, что облегчало адаптацию. При этом сохраняющийся «разрыв» по рождаемости между мигрантами и коренным населением Западной Европы на рубеже XX-XXI веков, как показано в статье, отчасти обеспечен тем, что женщины, мигрировавшие из стран с высокой рождаемостью, даже снижая рождаемость после миграции, гораздо реже, чем коренные европейки, оставались бездетными.

Таким образом, в целом оказывается, что статистические данные официальных источников по рождаемости мигрантов подтверждают и наличие адаптационных процессов, и важность страны происхождения, предполагаемую гипотезой социализации.

3.2. Исследования рождаемости потомков международных мигрантов

В ряде работ были продемонстрированы существенные различия по характеристикам рождаемости между мигрантами в первом и во втором поколении, а также наличие особенностей репродуктивного поведения у мигрантов, въехавших в принимающую страну в детстве (мигранты так называемого «полуторного» поколения). Ниже рассматриваются

результаты некоторых исследований этой проблематики.

В [Adsera et al. 2012] изучается репродуктивное поведение женщин-мигрантов, переехавших в Канаду, Францию или Великобританию (Англию или Уэльс) в детском возрасте (до 18 лет) в 1990-е - 2000-е годы. Как отмечают авторы, исследование рождаемости именно у женщин, совершивших миграцию в детстве, позволяет получить более адекватную картину того, как переезд в другую страну и последующая адаптация на новом месте проживания влияют на рождаемость. Дело в том, что рождаемость у женщин-мигрантов, совершивших переезд уже взрослыми, существенным образом зависит от возраста переезда, от обстоятельств, которые могут ограничить рождаемость на определенный период сразу после переезда, и т.д. Женщины, совершившие миграцию в составе семьи в детском возрасте, как ожидается, будут в большей степени свободны от влияния этих факторов: у них весь репродуктивный период проходит уже в принимающей стране. Источником для Канады служат данные переписей населения (проводившихся в этот период с 20-процентным охватом жителей страны); для Франции – данные *Enquête sur Trajectoires et Origines*, исследования расселения и миграций жителей этой страны (без заморских территорий), проведенного в 2008 г. Национальным институтом демографических исследований (INED) и Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE) и охватившего 22 000 респондентов; для Англии – данные лонгитюдного исследования населения, проводившееся Национальным офисом статистики в 1971-2001 гг.

Авторы строят модели с общим числом детей у женщины в качестве зависимого параметра (используется регрессия Пуассона). В качестве независимых параметров в моделях выступают миграционный статус женщины (дихотомический параметр "мигрант - не мигрант"), страна, откуда совершена миграция, и возраст на момент совершения миграции (в качестве контрольных используются переменные, кодирующие образование и брачный статус на момент исследования). Основные результаты моделирования сводятся к следующему:

- во всех трех странах число у детей мигрантов выше, чем у коренных жителей, хотя соотношения в разных странах разное;
- страна, откуда прибыла в детстве женщина, значима для числа детей у нее; например, у детей выходцев из Китая, Восточной Европы и Южной Африки в Канаде и у выходцев из Китая в Англии и Уэльсе детей значимо меньше, чем у коренного населения этих принимающих стран; наоборот, у детей мигрантов из Туниса и Турции детей значимо больше, чем у коренных жителей Франции;
- чем в более молодом возрасте женщина мигрировала в страну своего нынешнего пребывания, тем меньше число детей у нее отличаются от такового у коренного населения; это подтверждает, что на возможность адаптации к репродуктивным нормам принимающей страны влияет возраст переселения в нее.

В целом данное исследование подтвердило, что мигранты, прибывшие в новую для себя страну в детском возрасте, ближе по уровню рождаемости к коренному населению этой страны, чем мигранты, переселившиеся во взрослом возрасте. С другой стороны, исследование показало, что между адаптационными "траекториями" мигрантов,

прибывших детьми из различных стран, в одной и той же стране пребывания могут быть заметные различия.

В [Milewski 2011] исследуется рождаемость турецких мигрантов второго поколения в шести странах Европы: Австрии, Франции, Германии, Швеции, Швейцарии и Нидерландах (источником данных служат результаты масштабного выборочного исследования адаптации потомков мигрантов в европейских странах – The Integration of European Second Generation (TIES), проведенное в 2006-2008 гг.; подробное изложение результатов этого исследования см. в [Crul et al. 2012]). В целом исследование Н. Милевски не подтвердило предположений о том, что мигранты во втором поколении максимально адаптируются к принимающей стране по репродуктивному поведению (в качестве зависимого параметра в моделях выступает шанс рождения первого ребенка, распределенный по возрастам женщины с годовым шагом). Рождаемость у турецких мигранток второго поколения во всех исследуемых странах зависела от особенностей их родительской семьи и воспитания: шансы рождения первого ребенка были выше у тех, кто в детстве получил мусульманское воспитание, а также тем выше, чем больше родных братьев/сестер было у женщины. Очевидно, что все это позволяет говорить об эффектах социализации, но такой социализации, которая задается особенностями семьи или этнической общины, а не страны в целом. Как отмечается в статье, отличия турецких мигранток второго поколения от коренных жительниц принимающих стран по шансам рождения первого ребенка хорошо согласуются с имеющимися различиями между ними по таймингу: дочери уроженцев Турции в исследуемых странах вступают в брак, в среднем, в гораздо более молодом возрасте, чем коренные жительницы Западной Европы.

Сохранение «особости» репродуктивного поведения у турецких мигранток второго поколения, однако, соседствует с другим важным фактом: шансы рождения первого ребенка у них существенно варьируются в зависимости от страны проживания. В Германии и Швейцарии они ниже, чем в Австрии, Швеции, Нидерландах и Франции. В таком же соотношении (за исключением Австрии) находятся и шансы рождения первого ребенка в этих странах у контрольных групп коренных жителей, включенных в исследование. Это можно рассматривать как свидетельство адаптации мигранток второго поколения.

Интересные результаты рождаемости среди детей мигрантов в Швеции изложены в [Andersson, Persson 2014] (развитие этой темы см. в [Andersson et al. 2017]). На основе данных Статистического агентства Швеции по репродуктивным историям всех родившихся в стране женщин за 1998-2012 гг., в статье сопоставляются шансы рождения детей разных порядков у женщин, чьи родители – уроженцы Швеции, и у женщин, у которых хотя бы один из родителей является мигрантом. Шансы рождения первых детей у мигранток второго поколения независимо от страны происхождения оказались ниже, чем у женщин, чьи родители были уроженцами Швеции (исключение составили лишь женщины турецкого происхождения, но и у них шансы были выше, чем у потомков уроженцев Швеции, менее чем на 10%). Пониженные шансы рождения первого ребенка наблюдаются и у женщин, чьи родители являются выходцами из регионов мира, рождаемость в которых заметно превышает шведскую, например, с Ближнего Востока, из Северной Африки, из Африки к югу от Сахары. Не меняется заметным образом такое соотношение шансов и для рождения второго ребенка. И только для рождения третьего ребенка потомки выходцев из этих

регионов мира получают превосходство над потомками уроженцев Швеции. При этом введение в модель социально-экономических параметров, отражающих уровень образования и положение на рынке труда, эти соотношения шансов почти не меняет.

Авторы предполагают, что пониженные шансы рождения первого ребенка у потомков мигрантов говорят о трудностях, которые они испытывают при создании семьи в молодом возрасте. Это может быть связано с их в целом более слабым положением на рынке труда, чем у потомков коренных жителей Швеции. Пониженные шансы рождения второго ребенка могут говорить и о том, что потомки мигрантов меньше, чем потомки коренных жителей, адаптированы к шведской системе государственной поддержки семьи, в рамках которой женщина получает значительные выгоды, если рождает первого и второго ребенка с малыми интервалами. При таком объяснении пониженные шансы рождения первого и второго ребенка, по существу, производны от положения этнического меньшинства с низким социальным статусом, в котором находятся потомки мигрантов (см. раздел 1).

В [Kulu et al. 2017] предпринимается попытка исследовать рождаемость мигрантов второго поколения в европейских странах, различая рождения детей разных порядков. Материалом для исследования послужили результаты выборочных опросов женщин репродуктивного возраста, проведенных в странах Западной Европы в 2005-2010 гг. (для разных стран используются данные разных опросов). По результатам этих опросов была изучена рождаемость у выходцев из Индии, Пакистана, Бангладеш, Турции, стран Карибского бассейна, разных частей Африки и некоторых других регионов мира в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Испании и Швеции. Для женщин, мигрировавших из разных стран, отдельно в каждой принимающей стране оценивались шансы рождения детей разных порядков. Проведенный анализ показал следующее:

1. В целом в сообществах мигрантов из стран, рождаемость в которых превышает западноевропейскую, мигранты во втором поколении в большей степени уподобляются по репродуктивному поведению коренным жителям, чем мигранты в первом поколении.
2. Степень "уподобления" мигрантов второго поколения коренным жителям западноевропейских стран по репродуктивному поведению является разной для разных стран, откуда идет миграция. Так, менее заметно по сравнению с другими группами мигрантов это уподобление для выходцев из Пакистана и Бангладеш в Великобритании, для выходцев из Турции в Германии: в этих сообществах мигранты второго поколения сохраняют уровень рождаемости, серьезно превышающий уровень рождаемости принимающих стран.
3. Соотношение шансов деторождения у мигрантов второго поколения и у коренных жителей Западной Европы различается в зависимости от порядка деторождения. По шансам рождения первого и второго ребенка в большинстве мигрантских сообществ, за исключением вышеупомянутых сообществ с повышенной рождаемостью, мигранты второго поколения отличаются от коренных жителей незначительно. Шансы рождения третьего ребенка, однако, у мигрантов второго поколения почти везде значимо выше, чем у коренного населения.

Последнее наблюдение ведет авторов к выводу о росте контрастов внутри мигрантских общин, в которых наблюдаются две принципиально разные стратегии репродуктивного поведения у потомков мигрантов: уподобление по уровню рождаемости принимающей стране или сохранение более высокой рождаемости. Выбравшие первую стратегию "тянут вниз" шансы рождения первого и второго ребенка среди мигрантов, а выбравшие вторую стратегию "повышают" шансы рождения третьих детей среди потомков мигрантов, имеющих двух детей. При этом каких-либо простых объяснений этим контрастам по репродуктивному поведению найти не удастся. Так, не подтверждается гипотеза, что выбор двух стратегий коррелирует с уровнем образования женщин-мигранток. Авторы высказывают предположение, что эти контрасты среди мигрантов второго поколения могут быть связаны с культурными различиями между ними, но смысл «культурных различий» не получает в работе должной расшифровки.

3.3. Рождаемость мигрантов в Великобритании

Великобритания относится к числу стран, где рождаемость среди мигрантов изучена наиболее детально. Объектом изучения в основном является рождаемость крупных диаспор, сформировавшихся или активно пополнявшихся в стране во второй половине XX века. Это выходцы из Индии, Пакистана, Бангладеш, стран Карибского бассейна, Африки. В последние полтора десятилетия предметом исследований стала и рождаемость мигрантов из Польши и Прибалтики, число которых начало расти в Великобритании после вступления их стран в Евросоюз.

Рождаемость иностранных мигрантов в последние десятилетия XX – начале XXI века подробно рассматривается в [Coleman, Dubuc 2010]. Данные, анализируемые в статье, основаны на ряде источников, обычно не рассматриваемых в демографии в качестве первостепенных. Дело в том, что проводимые в Великобритании всеобщие переписи населения во второй половине XX века не содержали в переписном листе вопроса об этнической принадлежности (он появился только в опросном листе переписи 1991 г.). При государственной регистрации рождений этническая принадлежность родителей в стране также не фиксируется. Следовательно, выявить мигрантов и их детей по этим источникам невозможно. Однако в Великобритании имеется ряд вспомогательных исследований населения, в которых информация об этнической принадлежности находит отражение. Это, в частности, ежегодно проводимое Национальным офисом статистики в выборочном режиме Обследование трудовых ресурсов (Labour Force Survey), в котором фиксируется половозрастной состав домохозяйств респондентов. Авторы обосновывают методику расчета, позволяющую получить оценку суммарных коэффициентов рождаемости для различных этнических групп на основе данного исследования (так называемый «метод собственных детей»/own children method; его подробное обоснование см. в [Retherford, Cho 1987]).

Работу с полученными таким образом данными авторы ограничивают описательной статистикой. В целом выясняется, что мигранты из разных стран, рождаемость в которых существенно выше британской, различаются по репродуктивному поведению в Великобритании. Так, если у выходцев из Индии или из стран Карибского бассейна рождаемость в 1990-е – первой половине 2000-х годов находилась на уровне, близком к

общему для Великобритании, то выходцы из Пакистана и Бангладеш сохраняли значительно более высокие уровни рождаемости. (При этом авторы отмечают, что даже при большом сходстве между рождаемостью в некоторой диаспоре и в стране, откуда ее представители совершили миграцию, рождаемость в диаспоре может отличаться от рождаемости на «исторической родине» по возрастным характеристикам. Так, у выходцев из Бангладеш в Великобритании в конце XX века заметно ниже, чем в самой Бангладеш, была рождаемость в возрасте моложе 20 лет.) Предлагаемые авторами объяснения этих различий между выходцами из разных стран связаны, в частности, с религиозным фактором. Так, в статье утверждается, что «сельский ислам», доминирующий в тех провинциях Пакистана и Бангладеш, откуда идет наиболее интенсивная миграция в Великобританию, отличается установкой на малое участие женщин в трудовой деятельности и предпочтением браков, заключаемых при участии старших родственников, а эти обычаи, в свою очередь, ведут к высокой рождаемости, в том числе и вдали от родины.

Среди общих закономерностей репродуктивного поведения всех групп мигрантов в Великобритании авторы отмечают пониженный уровень рождаемости среди мигрантов первого поколения по сравнению со страной, откуда они совершили миграцию, а среди мигрантов второго поколения – по сравнению с мигрантами первого поколения. Это в целом подтверждает гипотезу адаптации, но имеющихся различий в рождаемости между разными диаспорами в Великобритании эта гипотеза не объясняет.

В [Dubuc 2012] сопоставляется динамика рождаемости у первого и второго поколения мигрантов из различных стран, проживающих в Великобритании. Источником данных снова служит исследование Labour Force Survey. Наиболее общий результат анализа, представленного в статье, состоит в том, что в 1980-2000-е годы в Великобритании имело место постепенное сокращение рождаемости этнических меньшинств, прибывших из стран, рождаемость в которых существенно выше британской. При этом заметный вклад в снижение уровня рождаемости у этнических меньшинств вносят именно потомки мигрантов, т.е. мигранты второго и последующих поколений. В таблице 6 сопоставляются средние коэффициенты суммарной рождаемости за 1987-2006 гг. у иммигрантов из трех стран и их потомков. В качестве базы сравнения используется средний коэффициент суммарной рождаемости у этих же меньшинств для 1970-х годов, т.е. для периода, когда абсолютное большинство женщин детородного возраста среди этих этнических меньшинств были мигрантами в первом поколении. Как видно, у потомков иммигрантов снижение коэффициента суммарной рождаемости после 1970-х годов шло быстрее, чем у иммигрантов в первом поколении.

Между мигрантами первого и второго поколений наблюдаются также заметные различия по возрастным характеристикам рождаемости. Так, у женщин, прибывших из Бангладеш, максимальный средний возрастной коэффициент рождаемости для 1987-2006 гг. фиксировался для возрастной группы 20-24 года, тогда как у мигрантов второго поколения бангладешского происхождения, как и у коренных британок, максимальная рождаемость фиксировалась в этот период в возрастной группе 25-29 лет. Одно из объяснений этому может состоять в том, что у мигранток второго поколения больше доля тех, кто в возрасте 18-25 был учащимся (в 2002-2006 гг. среди бангладешских мигранток

первого поколения доля учащихся составляла менее 10%, а среди мигранток второго поколения – более 35%).

Таблица 6. Коэффициенты суммарной рождаемости ряда этнических меньшинств в Великобритании, с учетом миграционного статуса

Страна происхождения	Средний КСР в 1970-е годы	Средний КСР в 1987-2006 гг.		Изменение по сравнению с средним КСР в 1970-е гг. (%)	
		иммигранты	родившиеся в Великобритании	иммигранты	родившиеся в Великобритании
Индия	2,47	1,90	1,67	-23,1	-32,4
Пакистан	5,02	3,37	2,65	-32,9	-47,2
Бангладеш	6,18	3,83	2,64	-38,0	-57,3

Источник: Расчеты на основе данных Labour Force Survey 2001-2006 в [Dubuc 2012].

Наряду с этими тенденциями, подтверждающими гипотезу адаптации, в статье обнаруживаются и некоторые подтверждения гипотезы селективности. Сравнив средние возрастные коэффициенты рождаемости для женщин, совершивших миграцию в Великобританию за 1987-2006 гг., в период их жизни до и после миграции, автор обнаружил, что для всех возрастов «домиграционные» коэффициенты были ниже, чем «послемиграционные» (отметим, однако, что для полноценного подтверждения гипотезы селективности здесь требовалось бы сопоставление с рождаемостью женщин, оставшихся в тех странах, откуда совершена миграция, но такового в статье нет).

В [Robards, Berrington 2016] рождаемость среди мигрантов в Великобритании исследуется для более современного периода (2001-2011 гг.). За этот период общий вклад мигрантов в рождаемость в Англии и Уэльсе (материалом которых ограничивается данная статья) существенно вырос: доля детей, рожденных женщинами, мигрировавшими из других стран, поднялась с 16,4% в 2001 г. до 25,5% в 2011 г. К мигрантам из таких «традиционных» для переезда в Великобританию регионов мира, как Южная Азия, Африка, добавились мигранты из стран, вступивших в 2004 г. в Евросоюз (среди них особенно интенсивной миграцией в Англию отличалась Польша).

Авторы ставят своей целью ответить на два вопроса: 1) сохранились ли в этот период различия по рождаемости между мигрантами, прибывшими из разных стран; 2) влияет ли на репродуктивное поведение женщин, мигрирующих в Великобританию, число лет, прошедших с момента миграции. То есть, по существу, в статье проверяется «сохранность» в более поздние годы тех явлений, которые были зафиксированы в Великобритании в 1990-е годы и начале 2000-х годов в рассмотренных выше работах.

Для ответа на оба вопроса авторы вводят специальные показатели – «возрастные» коэффициенты рождаемости для женщин-мигранток, при вычислении которых учитывается не возраст, в котором рождались дети, а возраст переезда в Великобританию (см. раздел 2.1 о применении похожих показателей в других исследованиях). Для каждой группы мигранток по возрасту въезда эти коэффициенты отдельно вычисляются для разных периодов до и после миграции. Например, у женщин, прибывших в Великобританию с 2001 по 2011 годы в возрасте 25-29 лет, отдельно считаются коэффициенты рождаемости для периода 0-1 год, 1-2 года и т.д. до периода 4-5 лет после миграции и для таких же периодов до миграции. Такие коэффициенты авторы вычисляют отдельно для мигранток, прибывших

из разных регионов мира (вычисления производились на основе данных Лонгитюдного исследования Национального офиса статистики Великобритании (LSONS), охватившего 1% населения страны). В качестве примера на рисунке 7 дана динамика коэффициентов для женщин, въехавших в Великобританию в возрасте 25-29 лет.

Из наблюдений над динамикой таких показателей наиболее значимыми оказались следующие:

- у выходцев из Пакистана и Бангладеш, мигрировавших в возрасте до 30 лет, имеется очень заметный скачок рождаемости в первые три года после миграции; рождаемость в этот период превышает домиграционную в 5-6 раз, а в последующие периоды постепенно снижается;
- у выходцев из Польши, напротив, рождаемость падает в первые два года после миграции и затем постепенно восстанавливается;
- у женщин, мигрировавших в возрасте до 30 лет, независимо от страны, из которой они прибыли, возрастные коэффициенты рождаемости, по крайней мере через 3-4 года после миграции, становятся выше, чем коэффициент рождаемости уроженок Англии и Уэльса для соответствующей возрастной группы; даже у женщин, прибывших из Польши, у которых на самом начальном этапе миграции рождаемость падает, через 3-4 года она превышает рождаемость у уроженок Великобритании в тех же возрастах;
- у женщин, мигрировавших в возрасте до 30 лет, независимо от страны выезда средний уровень рождаемости в течение пяти лет до миграции выше, чем в течение пяти лет после миграции.

Таким образом, исследование показало, что и в 2000-е годы в Великобритании рождаемость среди мигрантов дифференцировалась по регионам мира, откуда они прибыли, в согласии с гипотезой социализации. С другой стороны, подтвердилась и гипотеза разрыва в том отношении, что первые годы после миграции – это период «особого» репродуктивного поведения, отличающегося и от домиграционного, и от того, которое наблюдается в последующие годы. При этом отмеченные выше различия между выходцами из разных стран по тому, как именно меняется у них рождаемость в первые годы в Великобритании, авторы связывают с преобладающими целями миграции. Так, уроженки Польши чаще едут в Англию для работы, а уроженки Пакистана и Бангладеш – с целью создания или воссоединения семьи, и вполне ожидаемо, что первые будут откладывать рождаемость в первые годы после переезда, а у вторых, напротив, начальный период проживания в Великобритании будет временем наиболее высокой рождаемости. Обе тенденции подтверждают гипотезу разрыва. Наконец, подтвердилось и то, что в домиграционный период женщины стремятся ограничить рождаемость. Это можно считать подтверждением гипотезы селективности.

Частично подтверждается гипотеза социализации относительно иммиграции в Великобританию также в работе [Kulu, Hannemann 2016], где показано, что более высокая по сравнению с коренными жителями Великобритании рождаемость у выходцев из Пакистана и Бангладеш не может быть полностью объяснена особым социально-экономическим положением этих мигрантов и по крайней мере частично связана с усваиваемыми ими в детстве репродуктивными установками.

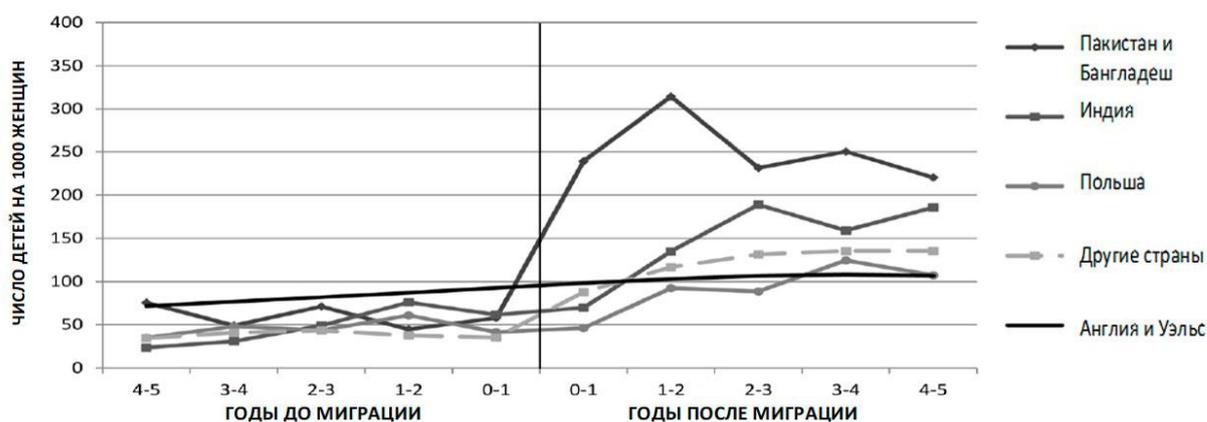

Рисунок 7. Коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин) для женщин, мигрировавших в Англию и Уэльс в 2001-2011 гг. в возрасте 25-29 лет, для разных лет до и после миграции⁶ (Office of National Statistics Longitudinal Study)

Источник: [Robards, Berrington 2016].

Итак, рассмотренные исследования рождаемости мигрантов в Великобритании показывают, что общая ее тенденция – снижение по сравнению со страной, откуда была совершена миграция (если она превышает британскую), что подтверждает гипотезу адаптации. Вместе с тем сохраняющаяся высокая рождаемость выходцев из некоторых стран говорит в пользу гипотезы социализации. Наконец, гипотеза разрыва подтверждается для выходцев из ограниченного числа стран, у которых рождаемость имеет особые черты в первые годы после иммиграции.

3.4. Рождаемость мигрантов в Германии

Германия наряду с Великобританией является одним из основных европейских «магнитов» мировой миграции, хотя и заметно отличается от Великобритании по набору стран, откуда миграция идет наиболее активно. Как отмечается в [Cygan-Rehm 2013], в последней трети XX – начале XXI века главными «поставщиками» мигрантов в Германию были Турция, бывшая Югославия, страны Южной Европы и Польша. Рождаемость мигрантов в стране в этот период почти монотонно снижалась, о чем говорят как коэффициенты суммарной рождаемости для условного поколения (таблица 7), так и когортные показатели по выходцам из некоторых стран (таблица 8). Сложность для анализа репродуктивного поведения мигрантов состоит в том, что и в самих странах, откуда в основном шла миграция в Германию, в последней трети XX – начале XXI века рождаемость также заметно снижалась. Снижение рождаемости у мигрантов в такой ситуации, вообще говоря, может рассматриваться либо как результат влияния новых условий, в которые

⁶ На рисунке 7 также даются средние значения возрастных коэффициентов рождаемости для всех женщин, проживающих в Англии и Уэльсе, за 2001-2011 гг. Коэффициенты рождаемости мигрантов для определенного числа лет до или после выезда сравниваются с общестрановым коэффициентом рождаемости для тех возрастов, в которых находится соответствующая группа мигрантов на данном временном расстоянии от момента выезда. Например, коэффициенты рождаемости для мигрантов, въехавших в страну в возрасте 20-24 года, для периода 1-2 года после миграции сравниваются со средним общестрановым коэффициентом рождаемости для женщин 21-25 лет за 2001-2011 гг.

попадают мигранты в принимающей стране, либо как отражение тех изменений репродуктивного поведения, которые имеют место в родных для мигрантов странах.

Таблица 7. Коэффициент суммарной рождаемости женщин с гражданством ФРГ и женщин с иностранным гражданством, проживающих в ФРГ, 1970-2006

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006
Гражданки ФРГ	2,00	1,34	1,37	1,25	1,37	1,24	1,33	1,30	1,29
Гражданки других государств, зарегистрированные в ФРГ	2,11	2,65	2,36	1,67	2,18	1,81	1,87	1,69	1,66

Источник: Расчеты на основе данных официальной статистики в [Schmid, Kohls 2009].

Таблица 8. Среднее число рожденных детей у мигранток различных когорт в ФРГ

Годы рождения	Страны выезда мигранток				
	Турция	бывшая Югославия	Италия	Греция	Польша
1940 и старше	4,22	2,64	2,50	2,21	н/д
1941-1950	3,70	2,13	2,38	1,93	1,45
1951-1960	3,17	1,97	2,46	2,12	1,61
1961-1965	2,92	1,77	1,79	2,08	1,38

Источник: Расчеты по данным выборочного опроса Sample Survey of Selected Migrant Groups in Germany в [Schmid, Kohls 2009].

Однако некоторые данные дескриптивной статистики указывают на то, что снижение рождаемости среди мигрантов в Германии, по крайней мере отчасти, связано именно с процессами адаптации мигрантов к репродуктивному поведению в принимающей стране. Об этом говорят, в частности, результаты выборочного исследования Sample Survey of Selected Migrant Groups in Germany, 2006-2007 (см. о нем [Schmid, Kohls 2009]). Согласно данным этого исследования, рождаемость у женщин-мигранток заметно падает, если партнер – уроженец Германии, а также если женщина отрицает наличие у себя «сильных эмоциональных связей» с исторической родиной. То есть снижение рождаемости ускоряется благодаря тем факторам, которые ослабляют зависимость женщины от социокультурных норм и образцов поведения, принятых на ее исторической родине.

Исследования, проведенные с помощью статистического анализа, подтверждают наличие адаптационных процессов в репродуктивном поведении мигрантов в Германии. Так, в [Wolf 2014] сопоставляются шансы рождений первого и последующих детей у турецких мигрантов в Германии (на основе данных проведенного в Германии в 2005-2006 гг. международного исследования Generations and Gender Survey). Моделирование показало, что шансы деторождений, особенно первого рождения, сильно повышаются в первые 2-3 года пребывания в Германии, а затем постепенно снижаются. Это, с одной стороны, позволяет предположить, что заметная доля миграций из Турции в Германию совершается с целью создания семьи. С другой стороны, поступательное сокращение шансов в последующие годы согласуется с гипотезой адаптации.

Оригинальные пути проверки гипотез адаптации и социализации предложены в [Milewski 2010]. В этой работе исследуются переходы ко второму и третьему ребенку среди женщин-мигранток 1946-1983 годов рождения, проживавших в Германии по крайней мере какой-то период между 1984 и 2004 г. (работа основана на данных лонгитюдного

исследования German Socio-Economic Panel). Исследуются мигрантки из Турции и из стран Южной Европы.

Автор различает мигранток первого и второго поколения (ко второму поколению относятся как женщины, родившиеся в Германии, если по крайней мере один из их родителей был мигрантом из указанных стран, так и женщины, переселившиеся в Германию в возрасте до 15 лет), а среди мигранток первого поколения – тех, кто переселился в Германию, не имея детей, и тех, кто уже имел хотя бы одного ребенка на момент миграции. Один из основных результатов произведенного автором моделирования состоит в том, что и для второго, и для третьего ребенка шансы деторождения у женщин, мигрировавших в Германию после рождения первого ребенка, значимо выше, чем у женщин, впервые ставших матерью уже после приезда в Германию. У последних, в свою очередь, эти шансы выше, чем у коренных жителей Германии. Это является нетривиальным подтверждением гипотезы адаптации.

Различение мигранток разных поколений позволяет автору сделать интересные выводы относительно действия гипотезы социализации. Эта гипотеза в статье проверяется через сравнение значимости страны происхождения для шансов деторождения у мигранток первого и второго поколения: у мигранток второго поколения в рамках гипотезы социализации эти шансы должны быть ниже, поскольку по крайней мере часть этих мигранток в детстве и юности усваивает социокультурные нормы принимающей страны. Такое предположение, однако, проведенным автором исследованием подтверждается лишь отчасти. Как и ожидается, параметр страны происхождения оказался значимым для мигранток первого поколения при переходе как ко второму, так и к третьему ребенку. Что же касается мигранток второго поколения, то картина оказалась более сложной. Если при переходе *ко второму ребенку* не было обнаружено значимых различий шансов между мигрантками второго поколения (независимо от страны происхождения) и коренными жительницами Германии, то при переходе *к третьему ребенку* у мигранток второго поколения турецкого происхождения шансы оказались значимо и существенно выше, чем у коренных жительниц Германии. Стремясь объяснить это, автор предположил, что для социализации детей мигрантов из Турции в Германии большую роль играет национальная община, в которой они во многом усваивают репродуктивные установки.

Итак, рассмотренные исследования показывают, что в Германии, подобно Великобритании, рождаемость мигрантов показывает эффекты и адаптации, и социализации. При этом подтверждение гипотезы социализации в Германии состоит не в таких значительных разрывах по рождаемости между выходцами из разных стран, как в Великобритании, а в разнице между различными группами населения по условиям перехода к детям второго и третьего порядков.

3.5. Рождаемость мигрантов в Швеции

Интенсивная международная миграция в Швецию наблюдалась на протяжении всей второй половины XX века и продолжается в настоящее время. Швеция отличается большим набором стран, выходцы из которых составляют в ней значительные по размерам диаспоры. Самые «старые» диаспоры образуют выходцы из других скандинавских стран и с Балкан. Позднее крупные диаспоры образовали выходцы из Южной Азии, Африки, стран Ближнего

Востока. На конец 1990-х годов около 17% детей, родившихся в Швеции, были рождены женщинами, которые сами родились за ее пределами.

В [Andersson 2004] рассматривается рождаемость в Швеции среди мигрантов из разных стран. Исследование основано на данных официальной статистики, которые в Швеции содержат информацию о демографических событиях в жизни каждой женщины, хотя бы временно проживавшей в стране с 1968 г. (для более раннего периода автор использует данные переписей населения). Автор показывает, что соотношение рисков деторождения у мигранток и женщин, родившихся в Швеции, разное в зависимости от того, идет ли речь о рождении первого ребенка или последующих детей. Риски рождения первого ребенка на протяжении всего периода с 1961 по 1991 г. у мигранток были выше, чем у коренных жительниц, а рождения второго и третьего детей у двух групп женщин в этот период были весьма близки, обнаруживая при этом почти всегда сходную динамику по календарным годам.

Таблица 9. Относительные риски рождения детей разных порядков у мигранток из различных стран в Швеции относительно коренных жительниц, 1961-1999 гг.

Страна рождения женщины	Риски рождения 1-го ребенка в возрасте до 31 года	Риски рождения 1-го ребенка в возрасте 31 год и старше	Риски рождения 2-го ребенка	Риски рождения 3-го ребенка
Швеция	1	1	1	1
Польша	1,53**	1,31**	0,57**	0,70**
б.Югославия	2,24**	1,08**	0,93**	0,74**
Греция	2,17**	0,98	1,21**	0,72**
Турция	3,67**	1,37**	1,21**	1,87**
Арабские страны	3,84**	1,97**	1,46**	2,55**
Пакистан, Бангладеш, Афганистан	3,06**	1,52**	1,10**	1,84**
Индия, Шри Ланка	1,43**	1,74**	0,88**	1,21**
Филиппины	2,32**	1,60**	0,64**	1,23**
Эфиопия	1,20**	1,07	1,12**	2,16**
Сомали	3,80**	1,52**	2,54**	5,68**

** $p < 0,05$

Источник: Расчеты на основе данных государственной статистики в [Andersson 2004].

Такое сопоставление, однако, можно считать слишком «грубым» потому, что в нем не различаются мигранты из разных стран. Поэтому автор также рассматривает среднегодовые риски рождений первого, второго и третьего ребенка у мигранток из различных государств в сопоставлении с женщинами, родившимися в Швеции. Картина получается очень неоднородной (таблица 9). Самые высокие риски деторождения сравнительно с женщинами, родившимися в Швеции, у мигранток из арабских стран, Пакистана, Бангладеш, Афганистана и Сомали. Также достаточно заметный «отрыв» у мигранток из Филиппин и стран Индокитая. При этом и в страновом разрезе соотношение рисков может быть разным для первого и последующих детей. Так, мигрантки из Югославии более чем в два раза превосходят уроженок Швеции по рискам рождения первого ребенка, но почти сравниваются с ними по рискам рождения последующих детей. Такие данные показывают, что в Швеции мигрантки (по крайней мере, первого поколения)

сохраняют различия по репродуктивному поведению в зависимости от страны происхождения. Это автор рассматривает как подтверждение гипотезы социализации.

Помимо страны происхождения, на шансы деторождения среди мигранток в Швеции влияет длительность времени, проведенного мигранткой в новой для себя стране. Исследование показало, что шансы деторождения по сравнению с женщинами, родившимися в Швеции, значительно выше у мигранток, проведенных в Швеции менее трех лет, т.е. в начальный постмиграционный период. На четвертом году проживания в Швеции и позднее разница по шансам деторождения у мигранток и коренных жительниц заметно уменьшается. Такой эффект наблюдается у женщин практически всех стран происхождения. Он может иметь несколько объяснений, среди которых намеренное откладывание деторождения в период, предшествующий миграции; заключение брака как распространенная цель миграции женщин («брачная миграция»); стремление мигранток как можно скорее родить ребенка, чтобы в более полном объеме пользоваться предоставляемыми в стране проживания социальными услугами. Интересно при этом, что если для Швеции сопоставить шансы рождения детей разных порядков в разные годы после миграции, то выяснится, что наиболее высокие шансы рождения в первые годы по приезде в страну наблюдаются для первого ребенка. Это говорит в пользу предположения о том, что заметная доля международной миграции в Швецию – «брачная». В целом, таким образом, результаты предпринятого Г. Андерссоном анализа указывают на эффекты социализации и разрыва.

В [Andersson, Scott 2005] делается довольно редкая попытка изучить связь рождаемости среди мигрантов с их положением на рынке труда. Швеция отличается от многих европейских стран тем, что у ее жительниц размер трудового дохода и число детей связаны положительно. Это объясняется среди прочего зависимостью размера социальных выплат женщине в первый год после рождения ребенка от размера ее предшествующего заработка. Исследование показало, что у мигрантов из разных регионов мира в Швеции также наблюдается такая позитивная зависимость (исследовалась связь уровня трудового дохода с шансами рождения первого ребенка). Этот результат позволяет автору говорить об эффекте адаптации мигрантов к репродуктивному поведению принимающей стороны, но адаптации не по числу детей или таймингу рождений, а по факторам, на основе которых принимаются репродуктивные решения. Интересно, что подобная адаптация наблюдается у мигрантских сообществ, довольно сильно отличающихся друг от друга по уровню рождаемости, включая и такие, которые явно не адаптировались к общестрановым тенденциям по числу детей.

В целом рождаемость мигрантов в Швеции указывает в первую очередь на важность гипотезы разрыва, что, по-видимому, объясняется большим распространением «брачной» миграции в эту страну. Контрасты между выходцами из разных стран имеют разную выраженность в зависимости от того, о ребенке какой очередности идет речь. Это подтверждает важность учета очередности рождения при проверке гипотезы социализации.

3.6. Рождаемость мигрантов в Италии

По набору стран, выходцы из которых образуют в ней крупные диаспоры, Италия заметно отличается от своих северных соседей по европейскому континенту. Миграция в нее в основном идет из некоторых балканских стран, преимущественно Албании и Румынии, и стран Северо-Западной Африки. Миграция заметно интенсифицировалась в последней четверти XX века.

В [Mussina, Strozza 2012] показана значимость страны происхождения для рождаемости в Италии мигрантов из трех стран – Албании, Марокко и Румынии. Рождаемость мигрантов из этих стран исследуется на основе данных государственной системы регистрации рождений. Выбор стран происхождения связан с тем, что в них по состоянию на середину 2000-х годов фиксировались разные уровни рождаемости (наиболее высокий – в Марокко, наиболее низкий – в Румынии), причем похожее соотношение уровней рождаемости сохранялось и среди мигрантов из этих стран в Италии.

Исследуемая авторами характеристика репродуктивного поведения – шансы рождения второго ребенка в период 2003-2006 гг. у мигранток из трех указанных стран, родивших первого ребенка в 2003 г. Построенные авторами модели показывают, что эти шансы значимо уменьшаются у мигранток из всех трех стран по мере увеличения периода времени, проведенного в Италии. Также значимо снижаются шансы рождения второго ребенка, если партнер является уроженцем Италии. То есть модели подтвердили действие эффекта адаптации. При этом если, наряду с параметрами длительности пребывания в Италии и происхождения партнера, в модель включался параметр происхождения (страны) самой женщины-мигрантки, то этот параметр также оказывался значимым. Этим подтверждается уже наличие эффекта социализации. Оказывается также, что у мигранток, прибывших из стран с более высокой рождаемостью, чем Италия (в данном исследовании – из Албании и Марокко), шансы рождения второго ребенка повышаются, если партнер – уроженец страны, в которой родилась мигрантка. То есть происхождение партнера оказывается важным для того, насколько сильно проявляется эффект социализации.

В данной статье изучено и влияние обстоятельств миграции на репродуктивное поведение. С одной стороны, вполне ожидаемо выяснилось, что если миграция совершена женщиной для создания или воссоединения семьи, то шансы второго деторождения выше, чем в случае трудовой миграции. С другой стороны, оказалось, что получение мигранткой легального статуса в Италии на эти шансы практически не влияет. Это авторы объясняют принятыми в 1998 г. поправками в итальянское законодательство, гарантирующими медицинскую помощь мигрантам независимо от их юридического статуса.

Оригинальный способ оценки гипотезы адаптации, применительно в том числе к миграции в Италию, предложен в [Mussino, van Raalte 2008]. Суть этого способа состоит в том, чтобы сравнить шансы деторождения и значимые для них параметры для мигрантов, въезжающих в какие-либо две разные страны, и для коренного населения этих двух стран. Если обнаружится, что параметры, значимые для шансов деторождения у двух групп мигрантов, совпадают, а параметры, значимые для шансов деторождения у коренного населения данных двух стран, различаются, это позволит говорить о некоей единой репродуктивной «траектории» мигрантов, задаваемой именно самим фактом миграции, а не

особенностями рождаемости в конкретной принимающей стране. Тем самым действенность механизма адаптации к рождаемости принимающей страны была бы поставлена под сомнение, вместо него следовало бы говорить о некоем общем механизме, определяющем репродуктивное поведение мигрантов в противоположность немигрантам безотносительно к стране пребывания. В данной статье сопоставление ограничено мигрантами и коренным населением в России и Италии в конце XX – первые годы XXI века (по данным «волн» крупного международного исследования Generations and Gender Survey – «волна» 2003 г. в Италии и «волна» 2004 г. в России). Обнаружилось, что в двух странах соотношения шансов рождения первого ребенка мигрантами и не мигрантами разные. В Италии у мигрантов шансы деторождения выше, чем у коренного населения, в молодых возрастах и ниже в более старших, а суммарный шанс для мигрантов несколько ниже, чем для коренных жителей. В России (рассматривается в основном миграция из Украины, Белоруссии и Казахстана) у мигрантов ниже шансы деторождения во всех возрастах. При этом в Италии мигранты отличаются от коренных жителей по связи шансов первого деторождения с различными социальными параметрами. А именно, у мигрантов наличие университетского образования увеличивает шанс первого деторождения, а укоренных жителей Италии снижает его. Кроме того, у мигрантов проживание в пригородах мегаполисов значительно снижает шанс деторождения, а у коренных жителей – нет. Что касается России, то там значимых отличий по влиянию социальных параметров на шанс первого деторождения между мигрантами и коренными жителями нет. Однако по самому составу параметров, значимо связанных с шансами деторождения (независимо от «знака» этой связи), мигранты в двух странах между собой почти не отличаются. Это совпадение параметров, значимых для рождаемости мигрантов, вместе с более низкими шансами рождения первого ребенка у мигрантов по сравнению с коренными жителями в обеих странах позволяет говорить о некой общности репродуктивной истории разных мигрантских сообществ. Однако адекватность такого вывода, разумеется, требует проверки на более широком материале.

Итак, хотя Италия – страна более «молодой» миграции, чем, например, Великобритания или Германия, в ней рождаемость мигрантов демонстрирует сходное с указанными странами «переплетение» эффектов адаптации, социализации и разрыва, заставляя предположить, что одновременное проявление этих эффектов в репродуктивном поведении мигрантов – достаточно стабильный для Европы тренд.

3.7. Рождаемость мигрантов в Испании

Испания – еще одна страна сравнительно «новой» миграции. Интенсивная иммиграция в нее началась только в 1980-1990-е годы. В результате, если в 1981 г. общее число иностранных уроженцев в стране составляло около 200 тыс. человек, то к 2007 г. оно выросло до 4,5 млн, составив около 10% от общего населения страны. С 2000 по 2007 г. около 90% общего прироста населения Испании на фоне очень низкой рождаемости местного населения обеспечивалось за счет миграции. Наибольшую долю среди мигрантов составляют выходцы из Латинской Америки, также в 1990-2000-е годы возникли крупные диаспоры выходцев из Африки (как Северной, так и из стран южнее Сахары) и Восточной Европы.

В [Roig Vila, Martín 2007] рассматривается рождаемость среди мигрантов в Испании (в основном с использованием данных переписи населения, проведенной в этой стране в 2001 г.). Как отмечают авторы, рост миграции имел последствия и для рождаемости в стране. В 2005 г. из всех родившихся в Испании 15% составляли дети, чьи матери родились за пределами страны. Рождаемость у мигрантов на рубеже XX-XXI веков была заметно выше, чем у местного населения: в 1998 г. коэффициент суммарной рождаемости у женщин, родившихся в Испании, составил 1,1, а у мигранток – 2,6; в 2002 г. эти показатели составили соответственно 1,2 и 2,1. При этом КСР у выходцев из разных регионов мира в Испании был разным. Так, у мигрантов из Северной Африки в 2002 году он составил 3,8, а у выходцев из Латинской Америки – 1,9. В целом разница в рождаемости между мигрантами разного происхождения соответствует разнице в рождаемости в их родных странах, но эта картина осложняется следующим обстоятельством: если у выходцев из большинства стран в Испании КСР *ниже*, чем в их родных странах, то у выходцев из Марокко, основного североафриканского «поставщика» мигрантов в Испанию, этот показатель почти на единицу *выше*, чем в их родной стране. Это может быть объяснено как более низкой степенью общей адаптации марокканцев по сравнению с другими мигрантами к социокультурным нормам принимающей страны, так и преобладанием среди женщин, выезжающих из этой страны, «брачной миграции».

Построенные авторами модели, однако, показывают, что, несмотря на большие текущие различия по КСР между некоторыми диаспорами и коренным населением Испании, можно прогнозировать очень серьезные адаптационные процессы в «мигрантской» рождаемости. В моделях сопоставляются шансы рождения ребенка в течение года до переписи 2001 г. у коренных жительниц Испании и у женщин, прибывших в Испанию из различных стран. У африканских мигранток эти шансы заметно выше, чем у коренных жительниц Испании (в 2,36 раза выше у мигранток из Северной Африки, в 1,68 раз выше – у мигранток из стран, расположенных южнее Сахары). Однако если в модель включить такие параметры, как возраст женщины, ее брачный статус, образование и число уже имеющихся детей, то разница шансов становится гораздо скромнее и для большинства диаспор теряет статистическую значимость. Если различать мигранток также по году прибытия в страну, то значимые отличия от уроженок Испании сохраняются только у тех, кто мигрировал не более чем за шесть лет до переписи.

Таким образом, внешне очень большой разрыв в уровнях рождаемости между коренными испанками и представительницами некоторых диаспор не дает авторам основания утверждать, что различия в рождаемости между мигрантами и коренными жителями Испании будут носить долговременный характер и тем самым подтверждать гипотезу социализации. Эти различия в значительной мере являются производными от «структурных» характеристик диаспор (образования, уровня брачности и др.), которые могут меняться во времени; также эти различия уменьшаются у мигрантов пропорционально сроку проживания в стране. Это подтверждает наличие адаптационных тенденций, а не эффектов социализации.

В [Devolder, Bueno 2012] также рассматривается значение страны происхождения мигранток для их рождаемости в Испании. Используя данные выборочного обследования жительниц Каталонии, проведенного в 2007 г. (Catalan Demographic Survey), авторы

показывают, что у женщин, прибывших из Африки, рождаемость в этой части Испании отличается не только более высоким уровнем во всех возрастах по сравнению с коренными жительницами и мигрантками с других континентов, но и динамикой в послемиграционный период. Так, только у африканок всплеск рождаемости в первые 5 лет после миграции наблюдается даже в том случае, если они въехали в страну в возрасте старше 28 лет (у других мигранток такие всплески также возможны, но только при более молодом возрасте въезда). Это может быть объяснено тем, что миграция африканок чаще, чем миграция других групп, связана с заключением брака или (что более вероятно в старших возрастах) воссоединением семей. Тем самым оказывается, что в рождаемости мигранток с одного из континентов гипотеза разрыва может находить более сильное подтверждение, чем в рождаемости мигранток с других континентов в ту же страну.

Таким образом, рождаемость мигрантов в Испании – пример того, как адаптационные тенденции существуют, но не лежат «на поверхности», т.е. не обнаруживаются через простое приближение уровней рождаемости мигрантов к уровню рождаемости коренного населения. Другой значимый вывод из исследований рождаемости мигрантов в Испании состоит в том, что гипотеза разрыва может в разной степени подтверждаться у выходцев с разных территорий, мигрировавших в одну и ту же страну.

3.8. Рождаемость мигрантов в США

Ниже мы рассматриваем результаты исследований, посвященных только одному из многочисленных миграционных потоков, направляющихся в США, – миграции в эту страну жителей Мексики. Такой выбор обусловлен не только большим размером мексиканской диаспоры в США, но и особенностями рождаемости у этой диаспоры. По мнению ряда исследователей (оспариваемому, впрочем, их оппонентами), динамика рождаемости у жителей США мексиканского происхождения представляет собой один из наиболее серьезных вызовов для гипотезы адаптации. Именно «нестандартные» особенности рождаемости среди мигрантов из Мексики в США оправдывают ее более подробное рассмотрение в настоящем обзоре.

В [Bean et al. 2000] рассматривается рождаемость среди мексиканских мигрантов в США. Особенность рождаемости в этом крупном мигрантском сообществе (на 1990 г. доля детей, рожденных женщинами мексиканского происхождения, среди всех рождений в США составляла 9%, а на 2004 г. – уже 17%) в конце XX века состояла в том, что в нем отличие от «принимающей» страны по уровню рождаемости не уменьшалось поступательно от первого поколения мигранток к последующим. Динамика рождаемости у мигранток в первом, втором и третьем поколении демонстрировала весьма необычную U-образную форму: у мигранток в первом поколении рождаемость была заметно выше американской (что было ожидаемо, поскольку рождаемость в самой Мексике в 1980-1990-е годы была также заметно выше, чем в США), мигрантки во втором поколении несколько сближались с коренными белыми жительницами США по рождаемости, но у мигранток третьего поколения уровень рождаемости вновь возрастал. В таблице 10 показано среднее число детей для мигранток из Мексики в разных миграционных поколениях в возрасте 18-44 года в сравнении с белыми жительницами США не латиноамериканского происхождения по данным проводимых в США Исследований текущего состава населения

(Current Population Surveys) 1986 и 1988 годов (подчеркнем, что в таблице 10 мигрантки сравниваются именно с белыми американками, а не с жительницами США в целом, контраст с которыми был бы не столь велик).

Очевидно, что подъем рождаемости у мигранток третьего поколения не согласуется с гипотезой адаптации, предсказывающей, что каждое следующее поколение мигранток будет все больше уподобляться по репродуктивному поведению большинству жительниц принимающей страны. Методологически важно, однако, что сами по себе цифры, приведенные в таблице 10, не могут служить опровержением гипотезы адаптации. Действительно, нельзя исключать, что женщины детородного возраста среди мигрантов третьего поколения отличаются от таковых среди мигрантов второго поколения по каким-либо социальным («структурным») характеристикам, таким как уровень образования, уровень брачности, доля женщин, чей муж живет и работает за рубежом и др. Различия в рождаемости между поколениями мигрантов в таком случае могут быть связаны с их различиями по этим характеристикам, очевидным образом влияющими на рождаемость, а не с тем, в какой степени они восприняли нормы репродуктивного поведения страны проживания (о возможности такого объяснения см. раздел 1).

Таблица 10. Среднее число детей по данным Исследований текущего состава населения в США, 1986 и 1988

Этническая принадлежность/поколение	Среднее число детей на одну женщину	Соотношение с числом детей у белых американок не латиноамериканского происхождения
Мигранты из Мексики	1,808	1,42
Мигранты в первом поколении:		
мигрировавшие во взрослом возрасте	2,452	1,93
мигрировавшие в детском возрасте	1,553	1,22
Мигранты во втором поколении	1,402	1,10
Мигранты в третьем поколении	1,712	1,35
Белые американки не латиноамериканского происхождения	1,272	1,00

Источник: [Bean et al. 2000].

Чтобы получить более надежные основания говорить о том, что представленные выше данные противоречат гипотезе адаптации, авторы строят линейные регрессионные модели, в которых в качестве зависимого параметра выступает число детей у женщины, а в качестве независимых, наряду с принадлежностью женщины к тому или иному поколению мигрантов, также такие индивидуальные характеристики, как уровень образования, возраст вступления в брак, регион проживания в США и др. Оказалось, что при включении в модель таких социальных характеристик значимость поколения мигрантов, к которому принадлежит женщина, сохраняется, и принадлежность к третьему поколению мигрантов продолжает оказывать «повышающее» влияние на число детей. Получив такой результат, авторы задаются вопросом о том, что же могло стать причиной «отмены» адаптационного сценария и обратного повышения рождаемости. Среди предполагаемых причин они называют разочарование мигрантов в возможности полноценной интеграции в американское общество. Такое разочарование, как полагают авторы, приходит после накопления достаточного семейного опыта жизни в новой стране и ведет к «де-

ассимиляции», т.е. укреплению общинных связей между мигрантами и их возврату к «собственным» поведенческим нормам, включая и нормы репродуктивного поведения. Отметим, что такое объяснение все же не дает ответа на вопрос, почему рождаемость повышается именно у третьего поколения мигрантов.

С тем, что рождаемость среди мексиканских мигрантов в США столь явно противоречит адаптационному сценарию, согласны, однако, не все исследователи. В [Parrado, Morgan 2008] авторы сопоставляют по среднему числу детей разные группы женщин мексиканского происхождения, проживающих в США. Основная идея их исследования состоит в том, чтобы проследить изменения среднего числа детей на одну женщину у мигранток, въехавших в США, и их потомков, проживающих в этой стране. Очевидно, что данные переписей и Исследований текущего состава населения, проведенных в США, не позволяют напрямую выявить потомков каких-либо групп мигрантов среди американского населения. Поэтому авторы, используя данные переписей, проведенных с 1940 по 1970 г., и Исследований текущего населения, проведенных с 1986 по 2004 г., строят предполагаемые «поколенческие» цепочки. Например, женщинам-мигрантам в первом поколении, родившимся в 1905-1909 гг., в качестве *второго поколения* сопоставляются женщины, родившиеся на 25 лет позже (в 1930-1934 гг.), и имеющие хотя бы одного родителя, родившегося в Мексике, а в качестве *третьего поколения* – женщины мексиканского происхождения, которые родились еще на 25 лет позже (в 1955-1959 гг.) и у которых и отец, и мать родились в США. С определенной долей условности женщины из отграниченной таким образом группы мигранток второго поколения могут считаться «дочерьми» мигранток первого поколения, а мигрантки третьего поколения – «внучками» последних.

Разумеется, для того, чтобы провести сопоставление между такими группами женщин, в качестве «исходной точки», т.е. первого поколения, необходимо брать таких мигранток, чьи условные «внучки» уже завершили свой детородный период (поскольку среднее число детей имеет смысл сопоставлять только у таких реальных поколений, у которых этот период завершился или близок к завершению). На конец XX века определенные вышеописанным образом «дочери» и «внучки» были у мигранток первого поколения, родившихся в 1885-1914 гг. Наблюдение за динамикой рождаемости у «дочерей» и «внучек» этих мигранток позволяет увидеть масштабную историческую картину постепенного понижения рождаемости у мексиканских женщин в США в течение XX века. Фрагмент этой картины дан в таблице 11. В ней сначала приводится среднее число детей на одну женщины у мигранток первого поколения (по пятилетним группам) и двух последующих поколений, а также среднее число детей на одну женщину у коренного белого населения США, родившегося в те же годы. Затем отдельно для мексиканских женщин и коренных американок приводятся соотношения среднего числа женщин между «соседними поколениями». Видно, что у мексиканок имеет место снижение рождаемости от поколения к поколению, в том числе и в тех случаях, когда у коренных американок имела место обратная динамика. Так, «дочери» коренных американок, родившихся в 1895-1914 гг., стали поколением «бэби-бума», охватившего страну с 1930-х годов, и соотношение среднего числа детей у них и у их «матерей» было больше единицы; у мексиканок же мигрантки второго поколения даже в период бэби-бума рожали меньше своих «матерей».

Очевидно, что такая система сопоставлений выглядит более «громоздкой», чем простое сопоставление рождаемости у мигрантов разных поколений вне зависимости от их годов рождения (как в таблице 10). Однако, как подчеркивают авторы, именно сопоставляя рождаемость сконструированных поколений родителей и их вероятных детей, можно увидеть те адаптационные тенденции, которые при более грубом анализе не видны.

В целом, таким образом, по долговременным тенденциям рождаемости выходцев из Мексики в США разные исследовательские подходы дают разный ответ на вопрос о том, опровергают ли эти тенденции гипотезу адаптации.

Таблица 11. Изменения рождаемости между поколениями мексиканских мигрантов и коренных белых жительниц США

Годы рождения первого поколения	Среднее число детей на одну женщину к 40-44 годам					
	мексиканки			белые американки		
	первое поколение	второе поколение (+25 лет к годам рождения первого поколения)	третье поколение (+25 лет к годам рождения второго поколения)	первое поколение	второе поколение (+25 лет к годам рождения первого поколения)	третье поколение (+25 лет к годам рождения второго поколения)
1885-1889	4,8	4,2	4,0	3,0	2,4	2,9
1890-1894	4,7	4,2	3,6	2,8	2,5	2,5
1895-1899	5,1	4,5	3,3	2,7	2,8	2,2
1900-1904	4,9	4,5	2,6	2,6	3,0	2,0
1905-1909	4,8	4,1	2,6	2,4	3,2	2,0
1910-1914	4,3	3,5	2,4	2,4	2,9	2,0
	Соотношение среднего числа детей между поколениями					
	мексиканки			белые американки		
	второе/первое	третье/второе		второе/первое	третье/второе	
1885-1889	0,88	0,95		0,80	1,22	
1890-1894	0,90	0,86		0,92	0,99	
1895-1899	0,89	0,72		1,03	0,80	
1900-1904	0,91	0,58		1,16	0,67	
1905-1909	0,87	0,64		1,31	0,63	
1910-1914	0,80	0,69		1,22	0,69	

Источник: [Parrado, Morgan 2008].

Однако вне зависимости от этого более кратковременные тенденции рождаемости среди мигрантов из Мексики, зафиксированные на рубеже XX-XXI веков, также оказались неожиданными на фоне имеющихся гипотез о влиянии миграции на рождаемость. Как показано в [Frank, Neuveline 2005], в 1995 г. коэффициент суммарной рождаемости для женщин мексиканского происхождения в США *превысил* этот показатель для Мексики и оставался выше его по крайней мере до 2000 г. Мексиканский коэффициент при этом снижался, а «мигрантский» коэффициент стабильно держался на уровне около 3, оставаясь выше КСР и в США (вопреки гипотезе адаптации), и в Мексике. Очевидно, что эту довольно редкую ситуацию невозможно объяснить сохранением среди мигрантов тех репродуктивных установок, которые они получили в юности на исторической родине (даже если считать, вопреки реальности, что все женщины мексиканского происхождения в США являются мигрантами в первом поколении): такое объяснение годилось бы, если бы «мигрантский» коэффициент держался на уровне мексиканского и повторял его динамику.

То есть в этом случае «не проходит» не только гипотеза адаптации, но и гипотеза социализации.

В [Frank, Neuveldine 2005] сопоставляются возрастные коэффициенты рождаемости у мигранток первого, второго и третьего поколений, а среди мигранток первого поколения – у тех, кто въехал в страну менее шести лет назад, и у тех, кто въехал шесть и более лет назад. Выяснилось, что, с одной стороны, у мигранток в первом поколении, переехавших в США менее шести лет назад, возрастные коэффициенты рождаемости в 1998-2002 гг. во всех возрастах были выше (в среднем по разным возрастам – примерно в полтора раза), чем у мигранток во втором-третьем поколениях, а также у мигранток в первом поколении, проживших с США шесть и более лет. С другой стороны, у мигранток в третьем поколении коэффициенты рождаемости в молодом возрасте (20-24 года) оказались существенно выше, чем у мигранток второго поколения и у мигранток первого поколения «со стажем»; в более старших возрастах, однако, коэффициенты рождаемости у этой группы заметно снижались.

Эта повышенная рождаемость в первые годы пребывания в США согласуется с гипотезой разрыва, которая, впрочем, не объясняет упомянутый более высокий уровень «мигрантского» КСР относительно коренного населения США и относительно жителей Мексики. Чтобы показать, что повышенная рождаемость в первые годы после въезда – новое явление, в статье сопоставляются модели, демонстрирующие влияние миграционной истории на общее число детей у женщины, построенные по данным за 1998-2002 гг., с моделями, построенными по данным за 1986-1988 гг. Из сопоставления моделей в таблице 12 видно, что еще в 1986-1988 гг. принадлежность к группе мигранток первого поколения, проведенных в США менее шести лет, не была значимо связана с большим числом детей. Повышение рождаемости «новых» мигранток в конце 1990-х годов авторы объясняют последствиями принятия в 1986 г. в США Акта реформы и контроля иммиграции (Immigration Reform and Control Act), вскоре после которого многие нелегальные мигранты получили в США законный статус. Среди мигрантов из Мексики в США в конце 1990-х годов, по мнению авторов, было много женщин, въезжавших в страну для воссоединения со своими легализовавшимися партнерами, и именно это увеличение «брачной» миграции «подняло» рождаемость новых мигранток.

Что касается высокой рождаемости мигранток третьего поколения (соотношение шансов в таблице 12 подтверждает U-образное соотношение рождаемости между первым, вторым и третьим поколениям), то авторы [Frank, Neuveldine 2005] объясняют ее особыми социально-экономическими условиями, в которых находится в США значительная часть женщин мексиканского происхождения (более низкий, чем в среднем по стране, уровень доходов; большая доля проживающих в арендуемом жилье и пр.). Именно эти условия могут быть причиной более раннего прекращения образования и более раннего вступления в партнерские отношения (часто не регистрируемые). Отметим, однако, что это объяснение никак не предсказывает контрастов по рождаемости между вторым и третьим поколениями.

При этом, как показано в других исследованиях, необычные особенности рождаемости испаноязычных мигранток в США по крайней мере отчасти могут быть артефактом некорректных подсчетов. Так, в [Parrado 2010] рассматривается рождаемость мигрантов, прибывших из Латинской Америки и Мексики в США на рубеже XX-XXI веков.

Автор сначала анализирует данные по рождаемости среди мигрантов в США из Латинской Америки и Мексики в сравнении с рождаемостью у женщин, остающихся в указанных странах. При расчете коэффициента суммарной рождаемости для трех групп мигранток в качестве числителя выступает число рождений у женщин латиноамериканского происхождения по данным Национального Центра Медицинской Статистики (NCHS) США, в качестве знаменателя – число женщин указанного происхождения по данным National Census Bureau США. Оказывается, что КСР для всех трех групп женщин-мигранток, подсчитанный на основе этих данных, в 2000-е годы был заметно выше, чем для женщин в их родных странах. Однако, как показывает автор, эти высокие КСР могут быть «артефактом» статистики: общая численность женщин-мигранток с большой вероятностью занижена National Census Bureau, что связано с трудностями оперативного текущего учета лиц, прибывающих в страну. Это занижение ведет к уменьшению знаменателя при расчете КСР для мигранток и, как следствие, к завышению самого коэффициента. Такое предположение подтверждается и тем, что КСР, подсчитанные на основе выборочных опросов мигрантов из Мексики, ниже, чем КСР, подсчитанные на базе официальных источников.

Таблица 12. Влияние миграционного статуса женщины на общее число детей у нее: соотношения шансов (odds ratio) в регрессии Пуассона (США, 1986-1988 и 1998-2002)

Группа	Odds ratio в 1986-1988 гг. (в сопоставлении с белыми женщинами не латиноамериканского происхождения)	Odds ratio в 1998-2002 гг. (в сопоставлении с белыми женщинами не латиноамериканского происхождения)
Белые не латиноамериканского происхождения	1	1
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США не более шести лет назад	1,105	1,274
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 7-11 лет назад	1,732	1,621
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 12-16 лет назад	2,003	1,892
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 17 и более лет назад	-	2,088
Женщины мексиканского происхождения – мигранты второго поколения в США	1,064	0,879
Женщины мексиканского происхождения – мигранты третьего поколения в США	1,342	1,320
N	49749	65787

Примечание: $p < 0,01$

Источник: [Frank, Heuveline 2005].

В целом рождаемость мексиканских мигрантов в США, по-видимому, служит примером того, что реальные тенденции переселенческой рождаемости могут быть сложнее, чем те, которые предсказываются имеющимися четырьмя гипотезами. Другой «урок» из исследований этого феномена касается степени зависимости результатов изучения репродуктивного поведения мигрантов от используемых источников данных.

3.9. Рождаемость мигрантов в Австралии

Согласно переписи 1991 г., мигранты составляли около 22% населения Австралии, или 3,7 млн. человек. Более половины мигрантов из Европы составляли выходцы из Великобритании и Ирландии. Также в стране имеются значительные диаспоры из Италии, Польши, Германии, Нидерландов, Греции. Миграция из Европы в Австралию в последней четверти XX века отличалась от многих других миграционных потоков новейшего времени тем, что рождаемость в странах, откуда шла эта миграция, не превышала значительно рождаемости в принимающей стране или даже была ниже ее. Именно это делает миграцию в Австралию «нестандартным» случаем, на котором проверка гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости представляет особый интерес. Эта проверка выявила ряд тенденций, не наблюдаемых в тех странах, о которых речь шла ранее.

В [Abbasi-Shavazi, McDonald 2002] рассматривается рождаемость среди европейских мигрантов в Австралии. Цель исследования состоит в том, чтобы сопоставить динамику рождаемости в диаспорах и в странах, откуда прибыли мигранты, и тем самым проверить применительно к Австралии имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости.

Используя данные австралийских переписей, авторы подсчитывают коэффициенты суммарной рождаемости для диаспор из различных стран с различием:

- мигрантов первого поколения, въехавших в страну в возрасте старше 15 лет;
- мигрантов первого поколения, въехавших в страну в возрасте младше 14 лет («полуторное» поколение мигрантов);
- мигрантов второго поколения (родившихся в Австралии, но имеющих мигранта первого поколения хотя бы одним из родителей).

Коэффициенты суммарной рождаемости, посчитанные для этих групп, сопоставляются с соответствующими коэффициентами в странах, откуда прибыли мигранты (сопоставление отдельно проводится для 1977-1981, 1982-1986, 1987-1991 гг.; таблица 13).

Ряд результатов этого сопоставления лишь подтверждает адекватность тех гипотез, об успешной проверке которых на другом материале мы писали выше. Так, рождаемость у мигрантов второго поколения в целом ближе к рождаемости коренных австралийцев, чем у мигрантов первого поколения. Мигранты первого поколения, въехавшие в страну в возрасте до 15 лет, в целом ближе по уровню рождаемости к принимающей стране, чем мигранты, въехавшие во взрослом возрасте. Все это подтверждает гипотезу адаптации. Особенность Австралии здесь состоит лишь в том, что адаптация может идти и «вверх», с повышением рождаемости ко второму поколению мигрантов. Например, у мигрантов первого поколения из Польши КСР был на 0,3 ниже австралийского, а у мигрантов второго поколения этот разрыв уменьшался. Авторы, впрочем, полагают, что применительно к польским мигрантам здесь можно говорить о подтверждении не гипотезы адаптации, а гипотезы разрыва: низкая рождаемость у польских мигрантов в первые годы, проведенные в Австралии, может быть объяснена тем, что в 1970-1980-е годы для многих из них миграция была сопряжена со значительными трудностями фактического бегства с коммунистической родины.

Таблица 13. Коэффициенты суммарной рождаемости для мигрантов из некоторых стран в Австралии в сравнении и их исторической родиной, 1977-1991

Страна	Период	КСР в стране, откуда прибыли мигранты	Мигранты в первом поколении	Мигранты в первом поколении, прибывшие в страну в возрасте 15 лет и старше	Мигранты в первом поколении, прибывшие в страну в возрасте до 15 лет	Мигранты во втором поколении
Греция	1977-81	2,2	2,3	3,0	2,4	1,9
	1982-86	1,8	1,7	2,2	1,7	1,6
	1987-91	1,4	1,6	2,0	1,5	1,5
Нидерланды	1977-81	1,5	1,9	1,8	2,6	2,4
	1982-86	1,5	1,6	1,8	2,2	2,5
	1987-91	1,5	1,6	1,8	1,9	2,2
Польша	1977-81	2,2	1,6	1,6	1,9	1,9
	1982-86	2,3	1,6	1,7	1,7	1,7
	1987-91	2,2	1,5	1,7	1,6	1,6

Источник: Расчеты по данным переписи населения Австралии 1991 г. в [Abbasi-Shavazi, McDonald 2002].

Однако более интересная динамика, не соответствующая ни одной из существующих гипотез о влиянии миграции на рождаемость, наблюдается для рождаемости мигрантов из Греции и Нидерландов. Рождаемость мигрантов из Нидерландов в Австралии неожиданно возрастает по сравнению как с их исторической родиной, так и с принимающей страной, и особенно заметен этот рост ко второму поколению (таблица 13). В упомянутой статье показано, что это объяснимо социальными особенностями нидерландских мигрантов. Среди этих мигрантов в Австралии велика доля тех, кто селится там за пределами крупных городов. Кроме того, от первого поколения нидерландских мигрантов ко второму более чем на 10 п.п. сокращается доля имеющих профессиональное образование. По-видимому, среди мигрантов из Нидерландов в Австралию велика доля тех, кто нацелен на сельский образ жизни и многодетность, определенного рода «дауншифтинг» по сравнению с образом жизни, преобладающим на исторической родине. То есть имеет место селективность, противоположная той, которая наблюдается при миграции из развивающихся стран в развитые, что показывает разнообразие конкретных проявлений селективности.

Рождаемость мигрантов из Греции в Австралии во многом повторяет динамику рождаемости на их исторической родине, как раз в 1970-1980-е годы испытавшей значительный спад репродуктивной активности. Эта динамика повторялась у мигрантов и первого, и второго поколений. Такую «параллель» с динамикой рождаемости на исторической родине невозможно считать простым подтверждением гипотезы социализации: мигранты не демонстрировали нормы репродуктивного поведения, предположительно усвоенные ими в детстве. Скорее, они во взрослом возрасте «улавливали» тренды рождаемости на своей исторической родине. С точки зрения авторов, необычная динамика рождаемости в греческой диаспоре связана с тесными связями с исторической родиной, характерными для этой диаспоры.

3.10. Внутрискановая миграция и рождаемость: исследования по отдельным странам

Ниже излагаются результаты исследования рождаемости у «внутренних» мигрантов ряда стран. Отобраны такие исследования, в которых предлагаются выводы о том, в какой мере динамика рождаемости «внутренних» мигрантов соответствует имеющимся гипотезам о взаимосвязи миграции и рождаемости. Рассматриваемые исследования посвящены внутрискановой миграции на Филиппинах, в Таиланде, Киргизии, Австрии и Польше.

В [Jensen, Ahlburg 2004] на примере внутренней миграции на Филиппинах по данным выборочной переписи населения, проведенной в этой стране в 1993 году, оцениваются гипотезы о разных причинах изменения репродуктивного поведения женщин после миграции. Авторы в основном сосредоточены на выборе из двух объяснительных гипотез. Одна соответствует «классической» гипотезе адаптации, согласно которой после переезда в город мигранты меняют репродуктивное поведение под действием норм, регулирующих его на принимающей территории. Альтернативная гипотеза, рассматриваемая авторами, связывает изменения в репродуктивном поведении мигрантов исключительно с экономическими условиями, с которыми они сталкиваются в постмиграционный период. Наибольшее значение, по мнению авторов статьи, в рамках этой гипотезы имеет такой фактор, как занятость женщины на рынке труда после миграции, поскольку наличие работы увеличивает «потери возможностей» (opportunity costs) для женщины при деторождении.

Оценивая две описанные гипотезы, авторы проводят разделение типов миграции в исследуемом ими массиве данных. Эти типы определяются двумя признаками:

1. Изменение среды проживания после миграции. Здесь выделяется миграция из «менее городских» на «более городские» территории, которая противопоставляется прочим видам миграции.
2. Связь миграции с работой. «Рабочей» миграцией считается такая, в течение максимум двух месяцев после которой женщина получила работу по новому месту проживания. Введение столь жесткого временного критерия авторы объясняют тем, что им важно определение целей миграции, и только миграция, за которой столь быстро последовало трудоустройство, может без большого риска ошибки считаться миграцией, исходной целью которой было получение работы.

На основе данных выборочной переписи населения Филиппин в статье строится модель, где в качестве зависимой переменной выступают шансы деторождения у женщин-мигранток с разными наборами социальных характеристик. Среди этих характеристик уровень образования женщины и ее мужа, уровень благосостояния семьи (определяемый индексным методом), тип миграции по среде проживания (логическая переменная: миграция из «менее городских» в «более городские» условия vs. остальные типы миграции) и тип миграции по целям (логическая переменная: «рабочая» миграция vs. остальные типы миграции).

Показано, что высокий уровень образования мужа и жены в семье мигрантов ожидаемо уменьшает шансы деторождения у мигрантов. Уровень материального

благополучия семьи, напротив, позитивно связан с вероятностью деторождения у этой группы населения. При переселении в «более городскую» среду шансы деторождения меньше, чем при других типах миграции. Однако цель миграции оказывается значительно более «сильным» параметром в построенной модели. Если с другими включенными в модель параметрами связаны колебания шансов деторождения не более чем на 25%, то миграция, после которой женщина получила по новому месту жительства работу в двухмесячный срок, связана с уменьшением шансов последующих деторождений более чем в два раза.

На основании этого авторы делают вывод, что применительно к внутренней миграции на Филиппинах в конце XX века более верен такой объяснительный подход, при котором изменение репродуктивного поведения мигрантов рассматривается не как результат простого восприятия стандартов поведения, действующих на новой территории проживания, а как результат экономически мотивированного выбора.

В [Goldstein, Goldstein 1981] рассматривается влияние внутристрановой миграции на рождаемость в Таиланде в 1960-е годы (на основе данных переписи 1970 г.). В этот период в Таиланде имела место массовая миграция сельского населения в города, прежде всего – в стремительно развивавшийся Бангкок. В статье, ставшей для многих последующих исследователей примером различения нескольких независимых друг от друга тенденций, определяющих рождаемость среди мигрантов, показано, с одной стороны, общее сокращение рождаемости у переселенцев в города по сравнению с сельским населением. Очевидно, что это сокращение подтверждает гипотезу адаптации. С другой стороны, в первоначальный период пребывания в городской среде (продолжительностью примерно в год) рождаемость сельских мигрантов переживает всплеск, затем постепенно приближаясь к рождаемости коренных горожан. Исключение составляют лишь мигрантки, устраивающиеся в городах на наемную работу. Авторы не позиционируют свой вывод о послемиграционном всплеске рождаемости по отношению к основным имеющимся гипотезам о взаимосвязи миграции и рождаемости, но, видимо, этот вывод позволяет говорить либо об эффекте селективности, проявляющемся до миграции (женщины откладывают рождаемость при подготовке к миграции в город, а затем «наверстывают» ее сразу после переезда), либо об эффекте разрыва (если принять, что большая доля женщин мигрирует в города с целью создания семьи и поэтому приступают к деторождению сразу после миграции). Вывод из статьи, важный для социальной политики, состоит в том, что этот «всплеск» рождаемости у мигрирующих в города может быть кратковременным, тем самым ограничивая влияние мигрантов на общую численность населения городов (прогнозы о «взрывном» росте городов из-за переселения туда сельских жителей, воспроизводящих репродуктивные установки села, были весьма распространены в Юго-Восточной Азии в 1960-1970-е годы).

В [Nedoluzhko, Agadjanian 2009] рождаемость в Киргизии исследуется во взаимосвязи с двумя процессами: внутренней миграцией и брачностью. Используется подход, разработанный в [Ноем, Nedoluzhko 2008] (см. раздел 2.2), который позволяет рассматривать шансы деторождения на разном временном удалении от того или иного события в зависимости от того, предшествовало ли тому событию какое-либо третье событие. Исследование основано на данных выборочного опроса «Брачность, рождаемость

и миграция в Киргизии», проведенного в 2005 г. и охватившего 775 мужчин и 771 женщину в возрасте от 18 до 29 лет. В моделях пропорциональных рисков отдельно рассматриваются шансы первого деторождения через разное количество месяцев после миграции (1) для тех женщин, кто мигрировал после замужества, (2) для тех, кто мигрировал, но никогда не состоял в зарегистрированном браке и (3) для тех, кто мигрировал одновременно с выходом замуж (у последней группы женщин временное расстояние деторождения от миграции и от вступления в брак, очевидно, совпадает). Кроме того, рассматриваются шансы первого деторождения через разное количество месяцев после вступления в брак (1) для тех женщин, кто никогда не мигрировал и (2) для тех женщин, кто мигрировал до замужества. Всего, таким образом, имеется пять групп женщин, и для них шансы первого деторождения сопоставляются по разным месяцам с шансами деторождения у тех женщин, которые никогда не мигрировали и не были замужем. Оказывается, что у замужних женщин с тремя разными миграционными историями (никогда не мигрировавших, мигрировавших до замужества и мигрировавших одновременно с вступлением в брак) шансы деторождения очень близки. То есть на «старт» деторождения после замужества факт миграции влияет мало. Одновременная демонстрация авторами того, что разные этнические группы жителей Киргизии имеют разные шансы первого и второго деторождений, а также вступления в брак, позволяет предположить, что в Киргизии на момент исследования брачно-репродуктивное поведение женщин определялось в большей степени этнокультурной средой, в которой пребывает женщина, а внутренняя миграция эту среду часто не меняла. У женщин, мигрировавших после вступления в брак, наблюдается необычно большая концентрация шансов первого деторождения у замужних женщин в первые месяцы после миграции. Это заставляет предположить, что внутренняя миграция замужних женщин в Киргизии в исследуемый период часто была связана с ожиданием первого ребенка (один из возможных сценариев – воссоединение семьи перед рождением первенца; его распространенность подтверждается обнаруженным авторами высоким риском миграции за три-пять месяцев до рождения ребенка). Наконец, шансы деторождений у женщин, совершивших миграцию, но никогда не состоявших в браке, на всех временных отрезках существенно ниже, чем у четырех других рассматриваемых групп женщин, однако наиболее высоки они в первый год после миграции, что, как предполагают авторы, связано с распространенностью миграции с целью заключения нерегистрируемого (возможно, оформляемого только по канонам религии) союза. В целом статья убедительно показывает возможности применения к исследованию взаимосвязи миграции и рождаемости моделей, основанных на «треугольнике» событий (миграция, вступление в брак, рождение ребенка). Такие модели позволяют увидеть нетривиальные взаимосвязи между миграционной и брачно-репродуктивной «историями» женщины.

В [Kulu 2006] исследуется влияние внутренней миграции на рождаемость у женщин 1940-х – 1970-х годов рождения в Австрии и Польше. В целом исследование подтвердило, что влияние внутренней миграции на рождаемость укладывается в рамки тех же тенденций (гипотез), что и в случае международной миграции. При этом влияние миграции оказывается разным в зависимости от типов населенных пунктов, между которыми совершается миграция. Так оказалось, что у женщин, мигрирующих в любые населенные пункты, кроме крупных городов, в первые годы после миграции шансы деторождения заметно выше, чем у коренных жительниц тех населенных пунктов, в которые они

мигрировали. Это заставляет предположить большую долю «брачной» миграции. Однако при миграции в крупные города эффект обратный (особенно заметен он в Австрии): первые годы жизни в крупном городе сопровождаются резким падением шансов деторождения. Здесь, по мнению автора, наблюдается эффект «разрыва», связанный с трудностями интеграции в среду крупного города. То есть направление внутренней миграции во многом предопределяет и эффект, который она будет иметь на рождаемость.

КРАТКИЕ ИТОГИ

Подведем итоги. Рассмотренные нами исследования рождаемости мигрантов в отдельных странах подтверждают предположение о том, что ни одна из гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости, изложенных в Разделе 1, не является универсально верной. Каждая из этих гипотез нашла подтверждения по крайней мере в каких-то исследованиях. При этом часто в динамике рождаемости одного и того же сообщества мигрантов можно было видеть подтверждение сразу нескольких из этих гипотез. Из этого вытекает, что дальнейшей задачей изучения рождаемости у мигрантов должно стать выяснение для каждой из имеющихся гипотез о влиянии миграции на рождаемость тех условий, при которых с наибольшей вероятностью реализуется заданный ей сценарий. На данный момент эта задача весьма далека от решения.

Вместе с тем на основе рассмотренных исследований можно сделать ряд выводов о том, какая информация о мигрантском сообществе и репродуктивном поведении его членов необходима, если делается попытка изучить взаимосвязь миграции и рождаемости.

Во-первых, объектом исследования должна быть рождаемость не только у тех, кто совершил миграцию, но и у их потомков. Последние также могут заметно отличаться по репродуктивному поведению от принимающей стороны. Отдельного внимания заслуживает также рождаемость у мигранток так называемого «полупервого» поколения, т.е. совершивших миграцию до начала репродуктивного периода.

Во-вторых, важным для рождаемости параметром является не только статус женщины как мигранта, но и число лет, проведенных на новой территории.

В-третьих, связь миграции и рождаемости может быть обнаружена еще до события миграции. Поэтому, наряду с сопоставлением рождаемости в мигрантском сообществе и на территории, с которой совершена миграция, важны данные о «домиграционной» рождаемости самих мигрантов.

В-четвертых, при анализе рождаемости необходим учет целей, с которыми совершается миграция (миграция трудовая, «брачная» и др.), а также интенсивности социальных связей внутри мигрантского сообщества и между мигрантским сообществом и жителями его «исторической родины».

В-пятых, нет универсально верного ответа на вопрос о том, «сводимо» ли влияние миграции на рождаемость к влиянию меняющихся в результате миграции социально-экономических условий; роль последних почти всегда велика, но далеко не всегда они могут полностью объяснить разницу в рождаемости между мигрантами и коренными

жителями принимающей территории (или соотечественниками мигрантов, оставшимися на родине).

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит С.В. Захарова и В.А. Козлова за ценные замечания и советы в ходе работы над статьей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдяк А.Я. (2007). Применение метода «анализа наступления события» (event history analysis) с помощью пакета SPSS // *Spero*. 6: 189-202.
- Захаров С.В., С.В. Сурков (2009). Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. 2 / Под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП: 45-118.
- Сток Дж., М. Уотсон (2015). Введение в эконометрику. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 836 с.
- Abbasi-Shivazi M., P. McDonald (2002). A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin // *Genus*. 58(1): 53-76.
- Adsera A., A. Ferrer, W. Sigle-Rushton, B. Wilson (2012). Fertility patterns of child migrants: age at migration and ancestry in comparative perspective // *The annals of the American Academy of political and social science*. 643: 160-189.
- Andersson G. (2004). Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *International migration review*. 38(2). 747:774.
- Andersson G., K. Scott (2005). Labor market status and first time parenthood: the experience of immigrant women in Sweden, 1981-1997 // *Population studies*. 59(1): 21-38.
- Andersson G., L. Persson (2014). Childbearing among the descendants of immigrants in Sweden // *Stockholm Research Reports in Demography 2014*: 17. URL: http://www.suda.su.se/polopoly_fs/1.290333.1467894911!/menu/standard/file/SRRD_2014_17.pdf (дата обращения: 20.07.2017).
- Andersson G., L. Persson, O. Obućina (2017). Depressed fertility among descendants of immigrants in Sweden // *Demographic research*. 36 (39). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/39/36-39.pdf> (дата обращения: 20.07.2017).
- Arnaldo C. (2004). Ethnicity and marriage patterns in Mozambique // *African population studies*. 19(1): 143-164.
- Bach R.L. (1981). Migration and fertility in Malaysia: a tale of two hypotheses // *The international migration review*. 15(3): 502-521.
- Bean F., C. Gray Swicegood, R. Berg (2000). Mexican-Origin fertility: new patterns and interpretations // *Social science quarterly*. 81(1): 404-420.
- Bogovos C., C. Tsimbos, G. Verropoulou (2008). Native and migrant fertility patterns in Greece: a cohort approach // *European journal of population*. 24: 245-264.
- Booth H. (2010). Ethnic differentials in the timing of family formation: a case study of the complex interaction between ethnicity, socioeconomic level, and marriage market pressure //

- Demographic research. 23 (7). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol23/7/23-7.pdf> (дата обращения: 20.07.2017).
- Brockerhoff M., H. Eu (1993). Demographic and socioeconomic determinants of female rural to urban migration in Sub-Saharan Africa // *International migration review*. 27(3): 557-577.
- Codjoe S.N.A. (2007). Varying effect of fertility determinants among migrant and indigenous females in the transitional agro-ecological zone of Ghana // *Geografiska annaler. Series B, Human geography*. 89(1): 23-37.
- Coleman D.A., S. Dubuc (2010). The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s – 2006 // *Population studies*. 64(1): 19-41.
- Cortina C., A. Esteve, A. Domingo (2008). Marriage patterns of the foreign-born population in a new country of immigration: the case of Spain // *International migration review*. 42(4): 877–902.
- Courgeau D. (1985). Interaction between spatial mobility, family and career life-cycle: a French survey // *European sociological review*. 1(2): 139-162.
- Crul M., J. Schneider, F. Lelie (eds.) (2012). *The European second generation compared: does the integration context matter?* Amsterdam: Amsterdam university press. 437 с.
- Cygan-Rehm K. (2013). Do immigrants follow their home country's fertility norms? // *IWQW discussion paper series*. 04. 45 с.
- Devolder D., X. Bueno (2012). Effects of migration on fertility patterns for non-native women in Spain // Paper presented at the EPC conference. Stockholm. 13–16 June.
- Dribe M., C. Lundh (2011). Cultural dissimilarity and intermarriage. A longitudinal study of immigrants in Sweden 1990–2005 // *International migration review*. 45(2): 297–324.
- Dubuc S. (2012). Immigration to the UK from high-fertility countries: intergenerational adaptation and fertility convergence // *Population and development review*. 38(2): 353-388.
- Elder Jr.G.H. (1985). Perspective on the life course // *Life course dynamics: trajectories and transitions, 1968–1980* / Elder Jr.G.H., ed. Ithaca: Cornell University Press: 23–49.
- Forste R., M. Tienda (1996). What's behind racial and ethnic fertility differences // *Population and development review*. 22 (Suppl.): 109-133.
- Frank R., P. Heuveline (2005). A cross-over in Mexican and Mexican-American fertility rates: evidence and explanations for an emerging paradox // *Demographic research*. 12 (4): 77-104.
- Giele J.Z., Jr.G.H. Elder (1998). Life course research: development of a field // *Methods of life course research: qualitative and quantitative approaches* / J.Z. Giele, Jr.G.H. Elder, eds. Thousand Oaks: Sage Publications: 5–27.
- Goldscheider C. (1971). *Population, modernization, and social structure*. Boston: Little, Brown & Company. 345 p.
- Goldscheider C., P. Uhlenberg (1996). Minority group status and fertility // *American journal of sociology*. 74(2): 361-372.
- Goldstein S. (1978). Migration and fertility in Thailand, 1960-1970 // *Canadian studies in population*. 5: 167-180.
- Goldstein S., A. Goldstein (1981). The impact of migration on fertility: an 'Own children' analysis for Thailand // *Population studies*. 35(2): 265-284.
- Goldstein S., A. Goldstein (1983). *Migration and fertility in peninsular Malaysia: an analysis using life history data*. Santa Monica: Rand Corporation. 138 p.

- Goldstein S., P. Tirasawat (1977). The fertility of migrants to urban places in Thailand. 43. East-West population institute: East-West Center: Honolulu.
- Gore D.L., E. Carlson (2010). Ethnicity, education, and the non-proportional hazard of first marriage in Turkey // *Population studies*. 64(2): 179-191.
- Guilmoto C.Z., S. Rajan (2001). Spatial patterns of fertility transitions in India districts // *Population and development review*. 27(4): 713-738.
- Gyimah S.O. (2005). The dynamics of timing and spacing of births in Ghana // *Journal of comparative family studies*. 36(1): 41-60.
- Haller W.J., A. Portes, S. Lynch (2011). Dreams fulfilled, dreams shattered: determinants of segmented assimilation in the immigrant second generation // *Social forces*. 89(3): 733-762.
- Hendershot G.E. (1971). City migration and urban fertility in the Philippines // *Philippines sociological review*. 19: 183-193.
- Hervitz H. (1985). Selectivity, adaptation, or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil // *The international migration review*. 19(2): 293-317.
- Hill L., H. Johnson (2004). Fertility changes among migrants: generations, neighborhoods, and personal characteristics // *Social science quarterly*. 85(3): 811-826.
- Hoem J.M., A. Nedoluzhko (2008). Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing // *Demographic research*. 18 (21): 611-628.
- Holland J.A., H.A.G. de Valk (2013). Ideal ages for family formation among immigrants in Europe // *Advances in life course research*. 18(4): 257-269.
- Huschek D., H.A.G. de Valk, A.C. Liefbroer (2012). Partner choice patterns among the descendants of Turkish immigrants in Europe // *European journal of population*. 28(3): 241-268.
- Jensen E.R., D.A. Ahlburg (2004). Why does migration decrease fertility? Evidence from the Philippines // *Population studies*. 58(2): 219-231.
- Kley S. (2011). Explaining the stages of migration within a life-course framework // *European Sociological Review*. 27(4): 469-486.
- Klimek Ł. (2017). Migration and fertility. Polish migrant families in Ireland and non-migrant families in Poland: a comparison of fertility plans and behaviour // *Central and Eastern European migration review*. 6(2): 5-30.
- Krapf S., K. Wolf (2015). Persisting differences or adaptation to German fertility patterns? First and second birth behavior of the 1.5 and second generation Turkish migrants in Germany // *Kölner Zeitschrift für Sociologie und Socialpsychologie*. 67: 137-164.
- Kulu H. (2005). Migration and fertility: competing hypothesis reexamined // *European journal of population research*. 21: 51-87.
- Kulu H. (2006). Fertility of internal migrants: comparison between Austria and Poland // *Population, space and place*. 12: 147-170.
- Kulu H., A. Gonzalez-Ferrer (2014). Family dynamics among immigrants and their descendants in Europe: current research and opportunities // *European journal of population*. 30: 411-435.
- Kulu H., N. Milewski (2007). Family change and migration in the life course: an introduction // *Demographic research*. 17 (19): 567-590. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol17/19/default.htm> (дата обращения: 17.07.2017).

- Kulu H., T.Hannemann (2016). Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women // *Demographic research*. 35 (49): 1441-1488 URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf>. (дата обращения: 17.07.2017).
- Lee B.S., L. Pol (1993). The influence of rural-urban migration on migrants' fertility in Korea, Mexico and Cameroon // *Population research and policy review*. 12(1): 3-26.
- Lee B.S., S.C. Farber (1984). Fertility adaptation by rural-urban migrants in developing countries: the case of Korea // *Population studies*. 38(1): 141-155.
- Lee B.S., S.C. Farber (1985). The influence of rapid rural-urban migration on Korean National fertility levels // *Journal of development economics*. 17: 47-71.
- Lindstrom D.P. (2003). Rural-urban migration and reproductive behavior in Guatemala // *Population research and policy review* 22: 351-372.
- Massey D.S., B.P. Mullan (1984). A demonstration of the effect of seasonal migration on fertility // *Demography*. 21(4): 501-517.
- Mayer J., T. Riphahn (2000). Fertility assimilation of migrants: evidence from count data models // *Journal of population economics*. 13(2): 241-261.
- Milewski N. (2010). Immigrant fertility in West Germany: is the reasocialization effect in transitions to second and third births // *European journal of population*. 26(3): 297-323.
- Milewski N. (2011). Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe // *Advances in life course research*. 16: 178-189.
- Moultrie T., R. Dorrington, A. Hill, K. Hill, J. Timæus, B. Zaba (2013). Tools for demographic estimation. UISSP. 433 с.
- Mulder C., M. Wagner (1993). Migration and marriage in the life course: a method for studying synchronized events // *European journal of population*. 9(1): 55-76.
- Mussino E., A. van Raalte (2008). Fertility of migrants: a comparative study between Italy and Russia // *MPIDR Working Paper*. 2008-026. 24 с.
- Mussino E., S. Strozza (2012). Does citizenship still matter? Second birth risks of migrants from Albanina, Marocco and Romania in Italy // *European journal of population*. 28(3): 269-302.
- Nedoluzhko L., V. Agadjanian (2009). Marriage, child-bearing, and migration in Kyrgyzstan: exploring ibterdependencies // *MPIDR Working Papers*. 2009-003. 28 с.
- Pailhé A. (2015). The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France // *Stockholm university families and societies working papers*. 39: 98-127.
- Parrado E., P. Morgan (2008). Intergenerational fertility among Hispanic women: new evidence of immigrant assimilation // *Demography*. 45(4): 651-671.
- Parrado E.A. (2010). How high is Hispanic/Mexican fertility in the U.S.? Immigration and tempo considerations // *PSC Working Paper Series*. 18. 41 с.
- Puur A., L. Rahn, L. Abuladze, L. Sakkeus, S. Zakharov (2017). Childbearing among first- and second-generation Russians in Estonia against the background of the sending and host countries // *Demographic research*. 36 (41). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/41/36-41.pdf>. (дата обращения: 11.07.2017).
- Ram B., M. George (1990). Immigrant fertility patterns in Canada, 1961-1986 // *International migration*. 35(4): 413-426.

- Retherford R.D., L.J. Cho (1987). Age-parity-specific birth rates and birth probabilities from census or survey data on own children // *Population studies* 32(3): 567–581.
- Ribe H., T.P. Schultz (1980). Migration and native fertility in Columbia in 1973: are migrants selected according to their reproductive preference? // Center discussion paper. 355. Economic growth center: Yale university: New Haven. 66 с.
- Robards J., A. Berrington (2016). The fertility of recent migrants to England and Wales // *Demographic research*. 34 (36). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol34/36/34-36.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).
- Roig Vila M., T.C. Martín (2007). Childbearing patterns of foreign women in a new immigration country: the case of Spain // *Population*. 62(3): 351–379.
- Schmid S., M. Kohls (2009). Reproductive behavior of migrant women in Germany: data, patterns and determinants // *Vienna yearbook of population research*: 39-61.
- Schultz T.P. (1976). Interrelationships between mortality and fertility // *Population and development: The search for selective interventions* / Ridker R.G., ed. Baltimore: Johns Hopkins university press. 239-289.
- Singley S., N. Lindale (1998). Incorporating origin and process in migration-fertility frameworks: the case of Puerto Rican woman // *Social forces* 76(4): 1437-1464.
- Sobotka T. (2008). The rising importance of migrants for childbearing in Europe // *Demographic research*. 19 (9). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol19/9/19-9.pdf>. (дата обращения: 10.07.2017).
- Sobotka T. (2017). Migrant fertility in Europe: accelerated decline during recession Period // Conference “The fertility of migrants and minorities” (Hannover, February 6-8, 2017).
- Sobotka T., W. Lutz (2010). Misleading policy messages from the period TFR: Should we stop using it? // *Comparative population studies*. 35(3): 637-664.
- Stonawski M., M. Potancokova, V. Skirbekk (2016). Fertility patterns of native and migrant muslims in Europe // *Population, space and place*. 22(6): 552-567.
- Toulemon L. (2006). Fertility among immigrant women in France: new data, a new approach // *Population Association of America Annual Meeting* (Los Angeles, 31 March – 1 April 2006). URL: paa2006.princeton.edu/papers/61103. (дата обращения: 10.07.2017).
- White M., L. Moreno, Sh. Guo (1995). The interrelation of fertility and geographical mobility in Peru: a hazard model analysis // *The international migration review*. 29(2): 492-414.
- Wilson B., J. Kuha (2016). What is the influence of childhood exposure to cultural norms: the role of segregation and community composition in explaining migrant fertility // *European Population Conference – 2016* (Mainz, August 31 – September 3, 2016).
- Wolf K. (2014). Fertility of Turkish migrants in Germany: duration of stay matters // *MPIDR working paper*. 2014-01. 43 с.
- Yeter M., H. Stichnoth (2013). Cultural influences on the fertility behaviour of first- and second-generation immigrants in Germany // *ZEW-Centre for European economic research discussion paper*. 12-023. 70 с.
- Zarate A., A.U. de Zarate (1975). On the reconciliation of research findings of migrant-nonmigrant fertility differentials in urban areas // *International migration review*. 9(2): 115-156.

FERTILITY IN THE FAMILIES OF MIGRANTS: DATA, HYPOTHESES, AND MODELS (FOREIGN LITERATURE REVIEW)

KONSTANTIN KAZENIN

The fertility of migrants has been getting much attention in the demographic studies of recent decades. This is due, first, to the growth of global migration, which gives this topic a special relevance for population forecasting. At the same time, the fertility of migrants is of interest for broader modern studies of intercultural communications, behavioral transformations, etc.

In Russian social science, the study of migrants' fertility still occupies a very marginal position, despite the abundance of relevant data available in Russia. The goal of the present paper is to provide a brief overview of studies of the fertility parameters of migrants and their descendants.

The paper includes three sections. The first section presents the key hypotheses concerning the influence of migration on fertility, and gives a general idea about the possibilities for their verification, as well as about their theoretical context. The second section deals with quantitative methods and models commonly used in studies of the fertility of migrants. The third section reviews selected studies of the fertility of migrants in several countries, with a view towards giving an idea of the diversity of fertility dynamics observed in emigrant communities.

Key words: fertility, migration, adaptation of migrants, fertility behavior.

KONSTANTIN I. KAZENIN (kz@ranepa.ru), THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

DATE RECEIVED : JULY 2017.

THE PAPER IS BASED ON THE RESULTS OF RESEARCH "FERTILITY CORRELATES AND DYNAMICS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES AMONG MUSLIM MIGRANTS OF NORTH CAUCASUS" (2017).

REFERENCES

- Abbasi-Shivazi M., P. McDonald (2002). A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin // *Genus*. 58(1): 53-76.
- Adsera A., A. Ferrer, W. Sigle-Rushton, B. Wilson (2012). Fertility patterns of child migrants: age at migration and ancestry in comparative perspective // *The annals of the American Academy of political and social science*. 643: 160-189.
- Andersson G. (2004). Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *International migration review*. 38(2). 747:774.
- Andersson G., K. Scott (2005). Labor market status and first time parenthood: the experience of immigrant women in Sweden, 1981-1997 // *Population studies*. 59(1): 21-38.
- Andersson G., L. Persson (2014). Childbearing among the descendants of immigrants in Sweden // *Stockholm Research Reports in Demography 2014*: 17. URL: http://www.suda.su.se/polopoly_fs/1.290333.1467894911!/menu/standard/file/SRRD_2014_17.pdf (accessed: 20.07.2017).

- Andersson G., L. Persson, O. Obućina (2017). Depressed fertility among descendants of immigrants in Sweden // *Demographic research*. 36 (39). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/39/36-39.pdf> (accessed: 20.07.2017).
- Arnaldo C. (2004). Ethnicity and marriage patterns in Mozambique // *African population studies*. 19(1): 143-164.
- Bach R.L. (1981). Migration and fertility in Malaysia: a tale of two hypotheses // *The international migration review*. 15(3): 502-521.
- Bean F., C. Gray Swicegood, R. Berg (2000). Mexican-Origin fertility: new patterns and interpretations // *Social science quarterly*. 81(1): 404-420.
- Bogovos C., C. Tsimbos, G. Verropoulou (2008). Native and migrant fertility patterns in Greece: a cohort approach // *European journal of population*. 24: 245-264.
- Booth H. (2010). Ethnic differentials in the timing of family formation: a case study of the complex interaction between ethnicity, socioeconomic level, and marriage market pressure // *Demographic research*. 23 (7). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol23/7/23-7.pdf> (accessed: 20.07.2017).
- Brockerhoff M., H. Eu (1993). Demographic and socioeconomic determinants of female rural to urban migration in Sub-Saharan Africa // *International migration review*. 27(3): 557-577.
- Burdjak A.Ja. (2007). Primenenie metoda «analiza nastupleniya sobytiya» (event history analysis) s pomoshch'yu paketa SPSS [Event history analysis in SPSS package] // *Spero*. 6: 189-202.
- Codjoe S.N.A. (2007). Varying effect of fertility determinants among migrant and indigenous females in the transitional agro-ecological zone of Ghana // *Geografiska annaler. Series B, Human geography*. 89(1): 23-37.
- Coleman D.A., S. Dubuc (2010). The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s – 2006 // *Population studies*. 64(1): 19-41.
- Cortina C., A. Esteve, A. Domingo (2008). Marriage patterns of the foreign-born population in a new country of immigration: the case of Spain // *International migration review*. 42(4): 877–902.
- Courgeau D. (1985). Interaction between spatial mobility, family and career life-cycle: a French survey // *European sociological review*. 1(2): 139-162.
- Crul M., J. Schneider, F. Lelie (eds.) (2012). *The European second generation compared: does the integration context matter?* Amsterdam: Amsterdam university press. 437 p.
- Cygan-Rehm K. (2013). Do immigrants follow their home country's fertility norms? // *IWQW discussion paper series*. 04. 45 p.
- Devolder D., X. Bueno (2012). Effects of migration on fertility patterns for non-native women in Spain // Paper presented at the EPC conference. Stockholm. 13–16 June.
- Dribe M., C. Lundh (2011). Cultural dissimilarity and intermarriage. A longitudinal study of immigrants in Sweden 1990–2005 // *International migration review*. 45(2): 297–324.
- Dubuc S. (2012). Immigration to the UK from high-fertility countries: intergenerational adaptation and fertility convergence // *Population and development review*. 38(2): 353-388.
- Elder Jr.G.H. (1985). Perspective on the life course // *Life course dynamics: trajectories and transitions, 1968–1980* / Elder Jr.G.H., ed. Ithaca: Cornell University Press: 23–49.

- Forste R., M. Tienda (1996). What's behind racial and ethnic fertility differences // *Population and development review*. 22 (Suppl.): 109-133.
- Frank R., P. Heuveline (2005). A cross-over in Mexican and Mexican-American fertility rates: evidence and explanations for an emerging paradox // *Demographic research*. 12 (4): 77-104.
- Giele J.Z., Jr.G.H. Elder (1998). Life course research: development of a field // *Methods of life course research: qualitative and quantitative approaches* / J.Z. Giele, Jr.G.H. Elder, eds. Thousand Oaks: Sage Publications: 5–27.
- Goldscheider C. (1971). *Population, modernization, and social structure*. Boston: Little, Brown & Company. 345 p.
- Goldscheider C., P. Uhlenberg (1996). Minority group status and fertility // *American journal of sociology*. 74(2): 361-372.
- Goldstein S. (1978). Migration and fertility in Thailand, 1960-1970 // *Canadian studies in population*. 5: 167-180.
- Goldstein S., A. Goldstein (1981). The impact of migration on fertility: an 'Own children' analysis for Thailand // *Population studies*. 35(2): 265-284.
- Goldstein S., A. Goldstein (1983). *Migration and fertility in peninsular Malaysia: an analysis using life history data*. Santa Monica: Rand Corporation. 138 p.
- Goldstein S., P. Tirasawat (1977). The fertility of migrants to urban places in Thailand. 43. *East-West population institute: East-West Center: Honolulu*.
- Gore D.L., E. Carlson (2010). Ethnicity, education, and the non-proportional hazard of first marriage in Turkey // *Population studies*. 64(2): 179-191.
- Guilmoto C.Z., S. Rajan (2001). Spatial patterns of fertility transitions in India districts // *Population and development review*. 27(4): 713-738.
- Gyimah S.O. (2005). The dynamics of timing and spacing of births in Ghana // *Journal of comparative family studies*. 36(1): 41-60.
- Haller W.J., A. Portes, S. Lynch (2011). Dreams fulfilled, dreams shattered: determinants of segmented assimilation in the immigrant second generation // *Social forces*. 89(3): 733-762.
- Hendershot G.E. (1971). City migration and urban fertility in the Philippines // *Philippines sociological review*. 19: 183-193.
- Hervitz H. (1985). Selectivity, adaptation, or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil // *The international migration review*. 19(2): 293-317.
- Hill L., H. Johnson (2004). Fertility changes among migrants: generations, neighborhoods, and personal characteristics // *Social science quarterly*. 85(3): 811-826.
- Hoem J.M., A. Nedoluzhko (2008). Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing // *Demographic research*. 18 (21): 611-628.
- Holland J.A., H.A.G. de Valk (2013). Ideal ages for family formation among immigrants in Europe // *Advances in life course research*. 18(4): 257–269.
- Huschek D., H.A.G. de Valk, A.C. Liefbroer (2012). Partner choice patterns among the descendants of Turkish immigrants in Europe // *European journal of population*. 28(3): 241–268.
- Jensen E.R., D.A. Ahlburg (2004). Why does migration decrease fertility? Evidence from the Philippines // *Population studies*. 58(2): 219-231.

- Kley S. (2011). Explaining the stages of migration within a life-course framework // *European Sociological Review*. 27(4): 469-486.
- Klimek Ł. (2017). Migration and fertility. Polish migrant families in Ireland and non-migrant families in Poland: a comparison of fertility plans and behaviour // *Central and Eastern European migration review*. 6(2): 5-30.
- Krapf S., K. Wolf (2015). Persisting differences or adaptation to German fertility patterns? First and second birth behavior of the 1.5 and second generation Turkish migrants in Germany // *Kölner Zeitschrift für Sociologie und Socialpsychologie*. 67: 137-164.
- Kulu H. (2005). Migration and fertility: competing hypothesis reexamined // *European journal of population research*. 21: 51-87.
- Kulu H. (2006). Fertility of internal migrants: comparison between Austria and Poland // *Population, space and place*. 12: 147-170.
- Kulu H., A. Gonzalez-Ferrer (2014). Family dynamics among immigrants and their descendants in Europe: current research and opportunities // *European journal of population*. 30: 411-435.
- Kulu H., N. Milewski (2007). Family change and migration in the life course: an introduction // *Demographic research*. 17 (19): 567-590. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol17/19/default.htm> (accessed: 17.07.2017).
- Kulu H., T.Hannemann (2016). Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women // *Demographic research*. 35 (49): 1441-1488 URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf>. (accessed: 17.07.2017).
- Lee B.S., L. Pol (1993). The influence of rural-urban migration on migrants' fertility in Korea, Mexico and Cameroon // *Population research and policy review*. 12(1): 3-26.
- Lee B.S., S.C. Farber (1984). Fertility adaptation by rural-urban migrants in developing countries: the case of Korea // *Population studies*. 38(1): 141-155.
- Lee B.S., S.C. Farber (1985). The influence of rapid rural-urban migration on Korean National fertility levels // *Journal of development economics*. 17: 47-71.
- Lindstrom D.P. (2003). Rural-urban migration and reproductive behavior in Guatemala // *Population research and policy review* 22: 351-372.
- Massey D.S., B.P. Mullan (1984). A demonstration of the effect of seasonal migration on fertility // *Demography*. 21(4): 501-517.
- Mayer J., T. Riphahn (2000). Fertility assimilation of migrants: evidence from count data models // *Journal of population economics*. 13(2): 241-261.
- Milewski N. (2010). Immigrant fertility in West Germany: is the reasocialization effect in transitions to second and third births // *European journal of population*. 26(3): 297-323.
- Milewski N. (2011). Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe // *Advances in life course research*. 16: 178-189.
- Moultrie T., R. Dorrington, A. Hill, K. Hill, J. Timæus, B. Zaba (2013). Tools for demographic estimation. UISSP. 433 p.
- Mulder C., M. Wagner (1993). Migration and marriage in the life course: a method for studying synchronized events // *European journal of population*. 9(1): 55-76.
- Mussino E., A. van Raalte (2008). Fertility of migrants: a comparative study between Italy and Russia // *MPIDR Working Paper*. 2008-026. 24 p.

- Mussino E., S. Strozza (2012). Does citizenship still matter? Second birth risks of migrants from Albanina, Marocco and Romania in Italy // *European journal of population*. 28(3): 269-302.
- Nedoluzhko L., V. Agadjanian (2009). Marriage, child-bearing, and migration in Kyrgyzstan: exploring ibterdependencies // *MPIDR Working Papers*. 2009-003. 28 p.
- Pailhé A. (2015). The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France // *Stockholm university families and societies working papers*. 39: 98-127.
- Parrado E., P. Morgan (2008). Intergenerational fertility among Hispanic women: new evidence of immigrant assimilation // *Demography*. 45(4): 651-671.
- Parrado E.A. (2010). How high is Hispanic/Mexican fertility in the U.S.? Immigration and tempo considerations // *PSC Working Paper Series*. 18. 41 p.
- Puur A., L. Rahn, L. Abuladze, L. Sakkeus, S. Zakharov (2017). Childbearing among first- and second-generation Russians in Estonia against the background of the sending and host countries // *Demographic research*. 36 (41). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/41/36-41.pdf>. (accessed: 11.07.2017).
- Ram B., M. George (1990). Immigrant fertility patterns in Canada, 1961-1986 // *International migration*. 35(4): 413-426.
- Retherford R.D., L.J. Cho (1987). Age-parity-specific birth rates and birth probabilities from census or survey data on own children // *Population studies* 32(3): 567–581.
- Ribe H., T.P. Schultz (1980). Migration and native fertility in Columbia in 1973: are migrants selected according to their reproductive preference? // *Center discussion paper*. 355. Economic growth center: Yale university: New Haven. 66 p.
- Robards J., A. Berrington (2016). The fertility of recent migrants to England and Wales // *Demographic research*. 34 (36). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol34/36/34-36.pdf> (accessed: 10.07.2017).
- Roig Vila M., T.C. Martín (2007). Childbearing patterns of foreign women in a new immigration country: the case of Spain // *Population*. 62(3): 351–379.
- Schmid S., M. Kohls (2009). Reproductive behavior of migrant women in Germany: data, patterns and determinants // *Vienna yearbook of population research*: 39-61.
- Schultz T.P. (1976). Interrelationships between mortality and fertility // *Population and development: The search for selective interventions* / Ridker R.G., ed. Baltimore: Johns Hopkins university press. 239-289.
- Singley S., N. Lindale (1998). Incorporating origin and process in migration-fertility frameworks: the case of Puerto Rican woman // *Social forces* 76(4): 1437-1464.
- Sobotka T. (2008). The rising importance of migrants for childbearing in Europe // *Demographic research*. 19 (9). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol19/9/19-9.pdf>. (accessed: 10.07.2017).
- Sobotka T. (2017). Migrant fertility in Europe: accelerated decline during recession Period // Conference “The fertility of migrants and minorities” (Hannover, February 6-8, 2017).
- Sobotka T., W. Lutz (2010). Misleading policy messages from the period TFR: Should we stop using it? // *Comparative population studies*. 35(3): 637-664.
- Stock J., M. Watson (2015). *Vvedenie v ekonometriku [Introduction to Econometrics (in Russian)]*. Moscow: Izdatel'skiy dom “Delo” RANKhiGS. 836 p.

- Stonawski M., M. Potancokova, V. Skirbekk (2016). Fertility patterns of native and migrant muslims in Europe // *Population, space and place*. 22(6): 552-567.
- Toulemon L. (2006). Fertility among immigrant women in France: new data, a new approach // *Population Association of America Annual Meeting (Los Angeles, 31 March – 1 April 2006)*. URL: paa2006.princeton.edu/papers/61103. (accessed: 10.07.2017).
- White M., L. Moreno, Sh. Guo (1995). The interrelation of fertility and geographical mobility in Peru: a hazard model analysis // *The international migration review*. 29(2): 492-414.
- Wilson B., J. Kuha (2016). What is the influence of childhood exposure to cultural norms: the role of segregation and community composition in explaining migrant fertility // *European Population Conference – 2016 (Mainz, August 31 – September 3, 2016)*.
- Wolf K. (2014). Fertility of Turkish migrants in Germany: duration of stay matters // *MPIDR working paper*. 2014-01. 43 p.
- Yeter M., H. Stichnoth (2013). Cultural influences on the fertility behaviour of first- and second-generation immigrants in Germany // *ZEW-Centre for European economic research discussion paper*. 12-023. 70 p.
- Zakharov S.V., S.V. Surkov (2009). Migratsionnyy opyt i rozhdaemost' v poslevoennykh pokoleniyakh rossiyan [Migration experience and fertility in post-war generations of Russians] // *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve [Parents and children, men and women in family and the society]*. 2 / S.V. Zakharov, T.M. Maleva, O.V. Sinjavskaja, eds. Moscow: NISP: 45-118.
- Zarate A., A.U. de Zarate (1975). On the reconciliation of research findings of migrant-nonmigrant fertility differentials in urban areas // *International migration review*. 9(2): 115-156.